

Дарья Донцова

Ужас на крыльях НОЧИ

В мире преступных страстей
Виола Тараканова

Виола Тараканова. В мире преступных страстей

Дарья Донцова

Ужас на крыльях ночи

«ЭКСМО»

2014

Донцова Д. А.

Ужас на крыльях ночи / Д. А. Донцова — «Эксмо»,
2014 — (Виола Тараканова. В мире преступных страстей)

Я, Виола Тараканова, неожиданно для себя оказалась в миленьком коттедже, который любезно снял для меня Иван Зарецкий, новый хозяин издательства, где выходят мои книги. Здесь все прекрасно, кроме болтливой домработницы Светы да странных соседей Владыкиных: глава семьи Ирина Петровна с утра до вечера гоняет своих домочадцев, заставляя их строиться по струнке! Общаться с ними у меня не было ни малейшей охоты, однако в один непрекрасный день нам со Светой пришлось вызывать для Ирины Петровны «Скорую». К несчастью, женщина умерла, как оказалось, у нее были проблемы с сердцем. Но почему тогда ко мне под видом полицейского явился частный детектив Федор Леонов?.. Я пока не знала, что расследование мы с ним будем вести вместе, я найду сюжет для нового романа, а еще мне придется научиться управлять садово-огородным роботом «Емеля Премудрый», забытым у меня представителями магазина сельхозпродукции! Ох и дернул меня черт согласиться рекламировать их товары!

© Донцова Д. А., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	34
Глава 9	38
Глава 10	43
Глава 11	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Дарья Донцова

Ужас на крыльях ночи

© Донцова Д.А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Глава 1

Мужчина, который пытается одновременно угодить и маме, и жене, самый несчастный человек на свете...

- Леонид, где ты? – закричал женский голос.
- Здесь, – ответил хриплый баритон.
- Здесь, это в каком месте?
- У забора.
- Он длинный, огибает весь участок, – орала тетка.
- Я мяту нарезаю, Анна Тимофеевна велела ее посушить.
- Вот здорово! А я об этом просила?
- Нет.
- Что я тебе сказала?
- Сидеть дома.
- Почему?
- От земли можно столбняком заразиться.
- А что ты сделал?
- Пошел на огород.
- Чего ради?
- Анна Тимофеевна отправила меня за мелиссой.
- Вот так всегда. Ты обязан слушаться меня! Меня, слышишь? И более никого!

Я встала из плетеного кресла, взяла пустую чашку и покинула уютную веранду. Очень не хочется слушать чужой скандал, но, к сожалению, соседи, чей участок граничит с тем, где я арендовала небольшой, но симпатичный коттедж, постоянно выясняют отношения. Вернее, Ирина Петровна, глава семьи Владыкиных, все время «строит» своих домочадцев. Муж, дети и свекровь боятся шагу ступить без ее одобрения. Я живу здесь всего неделю, но уже успела понять: у Ирины Петровны есть глаза на затылке, она замечает абсолютно все вокруг и безжалостно карает слушников. Вот как сейчас, когда ее муж посмел выполнить просьбу своей матери и вместо того, чтобы оставаться дома по распоряжению супруги, поручил на небольшой огород.

– Что, Виола Ленинидовна, опять соседка выступает? – ухмыльнулась моя домработница Светлана, увидев меня на пороге кухни. – Не женщина, а Чингисхан.

– Строгая особа, – вздохнула я, ставя кружечку в мойку.

Светлана отложила нож, которым чистила картошку.

– Видели на поле развалины?

– Угу, – пробормотала я, жалея о том, что поддалась на уговоры Ивана Николаевича и согласилась взять помощницу по хозяйству.

Света излишне говорлива. К тому же, начав молоть языком, она не перестает работать руками, а те во время ее болтовни творят черт-те что. Сегодня на завтрак я получила тошнотворно сладкий омлет, потому что домработница выкладывала мне подробности своей личной жизни и вместо соли насыпала в яйца сахарный песок. Причем балаболка не успокоится, пока не доведет повествование до конца. Если же она заметит, что собеседник перестал ее слушать, то начинает его теревить:

– Ой, вам, наверное, неинтересно, я зря время у вас отнимаю?

Услышав этот вопрос впервые, я хотела категорично отрезать: «Да. Не имею ни малейшего желания знать о твоих проблемах. Мне пора садиться за рукопись». Но так и не решилась произнести эту фразу вслух. Когда на Свету в очередной раз нападет желание утопить меня в море ненужных сведений, неизвестно. И как долго продлится ее выступление, тоже не ясно.

Одно утешает: Светлана мелет языком с нечеловеческой скоростью и за десять минут успевает вывалить огромный объем информации. Спросите, почему я покорно ее выслушиваю? Ответ прост. Я не всегда была обеспеченной женщиной и успешной писательницей, когда-то тоже мыла полы и хорошо помню, насколько унижительно осознавать, что для людей ты всего лишь, так сказать, ручка от швабры. Мне не хочется обижать Светлану, отсюда и проблемы.

– Развалины на поле – это все, что осталось от Дома тишины, – вещала тем временем трещотка. – Слышали про него?

Я покачала головой.

– Правда? – всплеснула руками домработница. – Сейчас расскажу. Вы садитесь, отдохните, сварю вам кофейку. С молочной пенкой, этот, как его, каплеchino.

Я покорно опустила на стул. Ладно, пятнадцать минут потраченного впустую времени ничего не изменят. Все равно я никак не могу придумать сюжет для нового романа. Вот попою капучино и поднимусь в кабинет, авось после короткого перерыва в голове появится хоть какая-то идея.

Светлана бешеной белкой бегала между плитой и кухонными шкафчиками, но языком молола еще быстрее.

– Дом тишины – это научный институт, ученые там работали. Знаете, чего они делали? Ракеты стратегические, что ж еще. Каждое утро ровно в девять из Москвы два автобуса с людьми приезжало. Окна у них занавесками закрывались, кто внутри сидит, не видно, а еще с «Икарусами» охрана ехала, впереди и сзади, с автоматами. Караван во двор вкатывался, и ворота захлопывались, местные ни разу пассажиров не видели. Вечером их так же увозили. Зачем столько сложностей, ясно – на оборону они пахали. Главным у них там был Петр Германович Владыкин, а жена его, Антонина Тарасовна, не работала, хозяйство вела, дочку Иру воспитывала.

– Если в Доме тишины соблюдали строжайшую тайну, откуда вы узнали, кто там начальник? – отметила я нестыковку. И тут же рассердилась на себя. Вилка, зачем ты сделала Свете замечание? Попроси побыстрее сварить кофе, выпей его и отправляйся в кабинет.

– Так Владыкины не шифровались! – обрадовалась Света. – Тогда Павлиново было большой деревней, это сейчас от села ничего не осталось. Все местные жители знали, что Петр Германович профессор и он главный в НИИ. Да и как это скрыть? Для его семьи построили два дома, вот этот, который вы сняли, и соседний. Забора между участками тогда не было, земля общей считалась.

Домработница поставила передо мной чашку с капучино.

– Пейте. Я лучше всех варю кофе! Так вот, в начале девяностых в Доме тишины работы свернули. А я, когда в России беспредел начался, уехала в Италию, нанялась через агентство к пожилой паре. Ой, люди такие ужасы про работу прислужкой за рубежом рассказывали! Меня пугали: тебя там проституткой сделают, обманут, денег не заплатят, в рабыню превратят. Враки! Я много лет прослужила в семье Бартолини. Они уже пожилые были, Фред в инвалидной коляске сидел. Джулия сама за ним ухаживать пыталась – детей-то супруги не имели, помочь было некому, – потом решила сиделку нанять. Так я у них и оказалась. Они меня за дочь считали. Как мне там хорошо было! Кофе варить я в Милане научилась. И макароны правильно тоже. Наши-то дуры их на дуршлаг откинут и холодной водой окатят, чтобы не слиплись, а надо в горяченькие кусок маслица кинуть и размешать, тогда супериссимо получается. Ой, как же здорово было в Милане!

Света закатила глаза.

– Уезжать оттуда не хотелось, но Фред и Джулия умерли. Можно было в другую семью наняться, да мама заболела, пришлось вернуться. Этой весной я ее похоронила, опять с агентством договорилась и в ноябре снова в Милан улечу, уже контракт подписала. А пока, чтоб без дела и без зарплаты не сидеть, к вам прибилась. О чем это я говорила? Ах да! Вернулась

я на родину вся из себя разодетая и с деньгами. Фред-то с Джулией мне наследство оставили, низкий им поклон за щедрость. Благодаря им я маму у лучших врачей лечила. А то ведь ей в бесплатной поликлинике говорили: «Умрете через пару месяцев». Но она еще не один год прожила, потому что я мамулю в коммерческий медцентр устроила. Короче, приехала я в Павлиново – и ничего не узнала. Деревни, где я детство провела, нет, ее снесли, а жителей переселили, начали строить коттеджный поселок. Дом тишины развалился, гниет на пустыре. Из прежних жителей только моя мама да Владыкины остались. Наша избенка-покосюха стояла прямо в лесу, вот к мамуле те, кто дома для богатых возводил, с предложением о переселении и не подкатывали. Да и деревья вырубать нельзя, они лесхозовские. Папа мой, между прочим, лесником был, поэтому жили мы в стороне от всех. А участок Владыкиных на другом конце лесочка, тоже на отшибе.

Я придвинула к себе чашку, а Светлана неслась дальше.

– Мама мне говорила, что вскоре после моего отъезда в Павлинове бардак начался. НИИ закрыли, Петр Германович перестал работать, осел дома. Потом они с Антониной Тарасовной насмерть разругались, но разводиться в загсе не стали. Жена перебралась в маленький домик, Ирка с отцом жить осталась, а моя мама у них полы тогда мыть подрядилась. Потом Ирина заболела, какую-то заразу подцепила. Петр Германович мою маму предупредил: «У дочери инфекция, вам пока не надо к нам ходить, можете заразиться». И название болезни произнес. Слово мудреное, мама его не запомнила, но к профессору ходить временно перестала. Потом Ира выздоровела, только на родительницу свою крепко обиделась за то, что та ее больную не навещала. И Владыкин на жену осерчал. В общем, они перестали общаться. Когда Петр Германович помер, Ирина дом заперла и куда-то подалась. Антонина Тарасовна жила себе тут спокойненько, на соседний участок не ходила. Ну а дальнейшие события уже при мне случились. Пять лет назад, когда мамуля уже не работала, вместо нее я у Владыкиной-старшей убиралась, Ирка в Павлиново вернулась, да не одна – а с близнецами Никитой и Олесей, со свекровью Анной Тимофеевной, мужем Леонидом, его братом Борисом и невесткой Ларисой. Борис потом умер, чем-то он заболел, а вдова его тут осталась. Антонина Тарасовна как увидела, что дочь опять рядом поселилась, уехала в московскую квартиру. Коттедж она закрыла, велела мне три раза в неделю сюда заходить проверять, не прорвало ли трубу, не протекла ли крыша, деньги аккуратно отдавала. А вот Ирина Петровна моими услугами погнушалась. Я ее один раз из-за забора окликнула, сказала: «Вы меня помните? Я Света, дочка Марии Ивановны, она раньше у Петра Германовича служила. Если хотите, могу вам помогать». Она такую морду состроила! Правда, ответила вежливенько: «Спасибо, сами справимся». Перед тем как Ирка вернулась, в большой дом прибыли фургоны, из них кучу барахла вытаскивали: мебель какую-то, ящики, коробки. Так мне интересно стало: чего это привезли-то? В доме же все есть, ничего оттуда не увозили.

Светлана на секунду примолкла. И тут же снова затараторила:

– Ой, какие они люди странные! Что дети, что свекровь, что муж Ирины. Я, конечно, в их жизнь не лезу, своих забот хватает, но прямо удивительно, чего они за участок не выхоят? Ведь никуда не ездят! Свекровь очень молодо выглядит, старшей сестрой сына своего смотрится. А Лариса... Вышла я как-то утречком, гляжу, вдова Бориса на соседнем участке стоит... с плюшевой игрушкой в руках. Ну, цирк! Взрослая баба, а с мишкой гуляет. Поняли, о ком говорю? У Леонида, мужа Ирины, брат был Борис, он умер, супруга же его, Лариска, осталась у Владыкиной.

– Если вы мало знакомы с Ириной Петровной, то почему так хорошо разбираетесь во всех ее родственниках, по именам их называете? – удивилась я.

– Говорила уже, Антонина Тарасовна, когда съезжала, меня наняла за порядком в коттедже следить, – бесхитростно объяснила Светлана. – Я сюда приходила пыль обмести, котел протопить и прочее. Это только кажется, что в особняке лучше, чем в городе, жить, на самом

деле в московской квартире спокойнее. Во всяком случае, самой топить не надо, об этом ДЭЗ подумает. В деревне, даже в современном коттедже, хлопот навалом: зимой крышу почисти, сосульки сбей, снег на территории раскидай, а еще то забор поправь, то гнилое дерево спили... Пока мамочка жива была, я ее с собой сюда брала. Работу выполняю, кофеек сварю, сядем на терраске – благодать. Только расслабимся, Ирина как заорет: «Леонид, ты почему не делаешь то, что я велела? Никита, ступай в дом, простудишься!» Ну и так далее. Не захочешь, а выучишь все имена и сообразишь, кто у них в доме царь-император. Интересно, на какие шиши Владыкины так хорошо живут, а? И вот еще никак в толк не возьму: чего это у Ирки дети нигде не учатся и не работают? Раньше они в школу ездили, но не каждый день, как все. Никите сейчас лет восемнадцать, Олесе столько же, они близнецы, я говорила. Только брат с сестрой не очень похожи. Вы пейте кофеек-то, остынет.

Я машинально отхлебнула капучино, вскочила и бросилась к мойке.

– Не понравился? – расстроилась Светлана.

Я выплюнула невообразимую гадость.

– Отвратительнее ничего в жизни не пробовала. Из чего вы эту дрянь сварили?

– Вон из той баночки, что вы из магазина принесли, порошок черпанула, – объяснила домработница. – Сахарку из коробочки добавила, сливочки взбила. Может, пересластила? Положила четыре ложечки с верхом. Меня так в Милане бармен Джейкоб научил, а он толк в кофе знал!

Я посмотрела на красно-голубую жестянку с надписью «Мука».

– Сахар оттуда брали?

– На буковки внимания не обращайтесь, – захихикала Света. – Песочку много уходит, а крупчатки чуть, я не пеку торты, и вы к плите не подходите. Зачем тогда в доме мука? Банка для сахара.

Откинув крышку, я взяла щепотку белого порошка и попробовала его.

– Это сода!

Домработница обомлела, а я вздохнула:

– Пищевая сода в хозяйстве вещь полезная, но четыре ложечки с верхом на чашку кофе не улучшили его вкус.

– Нет, там сахар, – заспорила Светлана.

Я сунула ей в руки жестянку.

– Проверьте.

– Странно, – забубнила спустя пару мгновений она, – откуда содочка там взялась?

– Кто-то ее туда насыпал, – логично предположила я. – Уверена, не сама она из магазина притопала.

– Нет, – уперлась домработница, – не так.

– Что именно не так? – снова вздохнула я.

Я общаюсь со Светланой всего неделю, но уже успела понять: она не умеет признавать свои ошибки. Если даже конкретно указать ей на косяк, домработница моментально находит массу оправданий, и у меня возникает ощущение, что я – этакая злобная Салтычиха, тиранящая несчастную прислугу, вынужденную горбатиться на меня за гроши.

– Что означает ваше «нет»? – задала я уточняющий вопрос. – «Нет, в коробке не сода»? «Нет, никто не насыпал соду в жестянку»? Или: «Нет, порошок самолично проник в емкость, предназначенную для другого продукта»?

– Нет, – упрямо повторила Света. – В смысле, я отлично помню, что в «Муке» был сахар. Если его там нет, то куда он подевался?

Я стала поднимать крышки остальных коробок.

– Нашла! Песок в «Какао».

– Ну, вообще... – всплеснула руками Светлана. – Кто-то перепутал все запасы.

Я решила заставить домработницу признаться в оплошности и продолжила:

– Можете назвать человека, который забавляется таким образом? В доме нас двое. Я хозяйством не занимаюсь, сегодня впервые заинтересовалась банками. И кто у нас остается среди подозреваемых, а?

– Оно не человек, – прошептала Света и перекрестилась.

– А кто? – опешила я. – Лягушка из сада?

– Скажете тоже, – хихикнула. – Нет! Это Оно.

– Кто? – не отставала я.

Светлана прикрыла рот рукой и прошептала:

– Не скажу.

– Почему? – промурлыкала я. – Очень хочется выяснить, что это за безобразник прибегает к нам в дом и хулиганит.

– Если вы узнаете правду, то мигом отсюда уберетесь, – жалобно заныла моя помощница. – Мне самой страшно... О, смотрите, Иван Николаевич приехал! И с ним посторонние. Бегите скорей, переоденьтесь, вы в халате на чучундру похожи. А я пока гостям кофею сварю, лучше всех каплеchino готовлю.

– Сделайте одолжение, проследите, чтобы таинственное Оно не насыпало в чашки с кофе порошок от блох или, того пуще, не налило туда средство для чистки унитазов, – нежно попросила я и поспешила в спальню.

Глава 2

Наверное, теперь пора объяснить, почему я, писательница Арина Виолова, оказалась в коттедже, расположенном в ближайшем Подмосковье.

Некоторое время назад судьба свела меня с Иваном Николаевичем Зарецким, очень богатым человеком, страстным почитателем моих книг¹. Бизнесмен стал активно заботиться о популяризации моего творчества, приобрел книжные магазины, диктовал условия Гарику, владельцу издательства «Элефант», имеющему эксклюзивные права на мои романы. Зарецкий решил сделать из меня автора покрупче Милады Смоляковой и задействовал для этой цели свои деньги. А недавно он купил у Гарика «Элефант» вместе со всеми его долгами и портфелем произведений разных авторов. Я оказалась в безвыходном положении – контракт-то у меня подписан на десять лет. Мне никогда и в голову не приходило, что «Элефант» может перейти в другие руки, и я, естественно, не задумывалась о том, как поведет себя новый владелец по отношению ко мне.

Гарик мой близкий приятель. Да, мы с ним иногда ругались, но в целом я вполне была всем довольна. Мне прощали не вовремя сданные рукописи, не заставляли бегать по телерадиопрограммам и постоянно общаться с журналистами. Гонорары мои не поражали размерами, но денег, в принципе, мне хватало. Я взяла в банке ссуду, переехала на новую квартиру, приобрела машину, ездила отдыхать за границу, покупала модные вещи. А потом в мою размеренную жизнь вломился Зарецкий с твердым желанием увеличить мои тиражи до небес.

Плюс к тому Иван лелеет надежду отвести меня в загс. Но я уже была один раз замужем за Олегом Куприным, жила в гражданских браках с Юрием, потом с Костей и поняла, что могу существовать исключительно в одиночестве. Я плохая хозяйка, хотя, если уж очень напрягусь, то сумею пожарить яичницу, да и детьми обзаводиться не собираюсь. Я не хочу иметь нищего, ленивого мужа, который заставит меня обеспечивать семью, но и богатый мне не нужен – сидеть в вечернем платье на диване, принимать гостей, подстраиваться под настроение обеспеченного супруга, во всем с ним соглашаться я никогда не стану. А еще я хорошо понимаю: сейчас я для Ивана Николаевича звезда, недоступный объект, который он страстно желает заполучить, но как только я окажусь законной супругой олигарха, он живо потеряет ко мне интерес. Зарецкий – охотник, пойманную дичь он отнесет на кухню, ошплет, пожарит, а потом съест, запивая любимым виски.

Я бы с удовольствием отказалась от сотрудничества с Иваном, но... Вот именно, все дело в этом самом «но». Я подмахнула многостраничный договор с издательством не глядя, так как не сомневалась, что Гарик никогда не станет меня обманывать. Только когда он продал «Элефант», я догадалась изучить текст контракта и осознала, в какое положение попала. Оказывается, сия бумага обязывает меня принимать участие в пиар-акциях и вообще в любых мероприятиях, куда меня отправит владелец издательства. А главная засада в том, что псевдоним «Арина Виолова» принадлежит «Элефанту», вовсе не мне. То есть, если я взбрыкну и объявлю Ивану: «До свидания, можете подавать на меня в суд, но я перехожу в «ДТК», к вашим злейшим конкурентам», Зарецкий спокойно ответит: «Скатертью дорога. Однако имя «Арина Виолова» тебе не забрать, оно мое. Пиши теперь книги под другим псевдонимом». Читатели привыкают к определенному автору, ищут в магазинах именно его произведения. Иван отдаст псевдоним «Арина Виолова» какой-нибудь начинающей детективщице, та мигом получит мою аудиторию, а мне придется вспахивать поле заново, и неизвестно, смогу ли я хоть как-то преуспеть. До сих пор все известные писатели, решившие по каким-то причинам неожиданно написать роман

¹ События, о которых вспоминает Вилка, описаны в книге Дарьи Донцовой «Завещание рождественской утки», издательство «Эксмо».

под другим именем, терпели неудачу, их книги оставались нераспроданными, с прилавков тома начинали сметать, когда авторы признавались, что использовали псевдоним.

Надеюсь, теперь вам понятно, что я буквально оказалась в клетке. Правда, ее прутья из железных сейчас потихонечку превращаются в золотые, непомерная активность Ивана Николаевича увеличила мои доходы. Но денег-то мне и раньше хватало, зато теперь у меня нет времени тратить заработанное. Нынче я занята с утра до ночи, а у Зарецкого то и дело рождаются идеи, как повысить мое благосостояние. Что делать дальше, я не знаю.

А Иван Николаевич медленно, но верно меняет не только мои гонорары, но и всю мою жизнь. Именно под его влиянием я рассталась с Константином. Ну да, сама уже понимала, что наша с ним любовь изжила себя, но все никак не могла порвать с мужчиной, который перенес тяжелую болезнь. И вот Зарецкий как-то раз произнес правильные слова, я решилась побеседовать с Костей, после чего мы разъехались. Однако, несмотря на разрыв, я продолжала переживать за физическое и моральное состояние Константина, беспокоилась, как он там без меня. И что? Через месяц после нашего расставания мой бывший любовник познакомился с Настей Фоменко, и я теперь часто вижу фото своего совершенно здорового и веселого гражданского экс-мужа в гламурной прессе. Вот он занимается серфингом, вот ныряет с аквалангом, вот ест каких-то гадов на океанских островах и радостно сообщает прессе: «Настенька возродила во мне вкус к жизни, вылечила от депрессии. Она – лучшее, что со мной случилось».

Прочитав это заявление впервые, я обиделась. Значит, я, старательно вытаскивавшая Костю из больших неприятностей, отнюдь не светлый период в его биографии? Но потом я решила успокоиться и не обращать внимания на заявления бывшего возлюбленного. К тому же я заболела какой-то ерундой – начала сильно кашлять, похудела. Зарецкий перепугался и протащил меня по всем врачам, заставил сдать гору анализов и услышал от докторов: «Ничего страшного, обычная аллергия». Только в конце концов выяснилось, что не совсем обычная. У меня, оказывается, непереносимость материалов, из которых строят монолитные дома. Проходя мимо такого здания и даже пробыв в нем несколько недель, я не стану чихать и чесаться, но постоянно жить в нем мне нельзя. Увы, моя квартира находится как раз в таком.

Узнав причину моего плохого самочувствия, Зарецкий заявил:

– Дорогая, вам, звезде, ни о чем не нужно беспокоиться, я быстренько решу эту проблему. Найду множество вариантов в кирпичных зданиях, вам останется только приехать по адресу и сказать: «Хочу» или «Не хочу».

Я с детских лет привыкла сама о себе заботиться, поэтому ответила:

– Большое спасибо, но в издательском контракте нет ни слова о том, что вы обязаны думать о жилье для меня.

Иван Николаевич засмеялся.

– Дорогая Виола, помочь человеку не означает покуситься на его самостоятельность. Если вы будете бегать по риелторским агентствам, то забросите литературную работу, а я заинтересован в ваших новых рукописях. Не собираюсь ограждать вас от проблем. Но вы – звезда, а звездам негоже самим общаться с мелкими клерками. Давайте поступим так: вам принесут список отобранных мною апартаментов, далее флаг вам в руки.

– Ладно, – согласилась я, – но, пожалуйста, учтите, что огромная квартира мне не нужна. И хочется, чтобы жилье было не очень дорогим, перспектива попасть в кабалу к банку меня не прельщает. Я уже выплачивала один кредит и знаю, как это трудно.

– Конечно, – заверил Зарецкий, – я прекрасно осознаю проблему. А пока, чтобы вы не разболелись еще больше, очень прошу, переезжайте за город. Я снял на несколько месяцев небольшой, но уютный коттедж, нанял домработницу, готов завтра же вас туда перевезти.

Я открыла было рот, но Иван Николаевич живо добавил:

– Арендную плату, если разрешите, я удержу из вашего гонорара. Деньги разумные, мне удалось договориться с хозяйкой. Она интеллигентная пожилая дама, ваша преданная фанатка.

Антонина Тарасовна, услышав, кто будет временно жить в ее доме, пришла в полный восторг и воскликнула: «Не хочу брать с Арины плату, обожаю ее романы!» Но я ответил: «Простите, она весьма щепетильна в вопросе финансов». В конце концов Антонина Тарасовна назвала цену ниже минимальной. Вам ведь не трудно будет подписать для госпожи Владыкиной свой новый детектив?

Вот так я очутилась в Павлинове. И должна признать, что Зарецкий нашел чудесный дом. Коттедж расположен всего в пяти километрах от МКАД в лесу, из соседей только Ирина Петровна с семьей, но ни она, ни ее домочадцы не испытывают желания завести со мной дружбу. Свежий воздух, уютные комнаты, возможность быстро добраться до столицы – что еще надо? Арендная плата, как и обещал Зарецкий, оказалась до смешного маленькой. Уже через два дня после переселения я перестала кашлять, градусник вместо субфебрильной начал показывать нормальную температуру. И сейчас в моей голове впервые зародились мысли о приобретении жилья не в загазованном душном мегаполисе, а на природе.

В дверь спальни постучали. Потом створка приоткрылась и послышался голос Светланы:

– Вас ждут.

– Спускаюсь через секунду, – пообещала я.

Глава 3

– Рад вас видеть, Виола! – воскликнул Зарецкий, когда я спустилась со второго этажа в холл.

– Добрый день, Иван Николаевич, – отозвалась я. – Кто с вами приехал?

– Сотрудники пиар-отдела фирмы «Садтрестогород», – понизил голос владелец издательства. – Вы удивлены? Вчера я не смог соединиться с вами по мобильному, позвонил в коттедж и попросил Светлану предупредить вас, что буду в одиннадцать, и не один, а с посторонними людьми.

Я тяжело вздохнула.

– Домработница забыла передать мне ваше сообщение.

Бизнесмен заговорщицки улыбнулся.

– Я нашел несколько квартир для вас в кирпичных домах. Прекрасные варианты! Можно прямо сегодня ехать смотреть.

– Здорово! – обрадовалась я. – А при чем тут пиарщики?

– Дорогая Виола, вы всегда смотрите в самый корень, – Зарецкий не упустил возможности меня похвалить. – Насколько я понял, вы не желаете брать большой кредит у банка для приобретения жилплощади? И не намерены принимать помощь от издательства?

Я постаралась сохранить на лице милую улыбку.

– Иван Николаевич, мы уже беседовали на эту тему.

Зарецкий облокотился на небольшой комод, где стояла лампа.

– Не собираюсь вас переубеждать. Фирма «Садтрестогород» производит разные прикрасы для дачников, они заинтересованы в рекламе своих изделий. Если вы согласитесь участвовать в их акциях, то получите вот такую сумму.

Иван протянул мне телефон.

– Видите цифру на экране?

Я опешила.

– Вы шутите?

– Конечно, нет, – удивился Зарецкий. – Никакого юмора, когда речь идет о деньгах.

Во мне мигом подняла голову алчность.

– Что надо делать?

Зарецкий убрал трубку в карман.

– Для начала решить, даете вы согласие на участие в проекте или нет.

– Да, – выпалила я.

– Вот и прекрасно, – одобрил Иван Николаевич. – Вы, как всегда, поступили разумно. Ну, пошли за стол переговоров.

Я поспешила вслед за Зарецким в гостиную, строя на ходу планы. Слабо верится, что мне заплатят большие деньги. Но если их на самом деле дадут, тогда я, заплатив налоги, не попаду в кабалу к банку. Вытряхну все подкожные, добавлю миллионы, вырученные за продажу своей прежней квартиры, добавлю средства от рекламы... Да мне даже на ремонт хватит! Может, и на мебель останется.

В самом радужном настроении я вошла в комнату, увидела двух женщин, блондинку и брюнетку, а также мужчину и, улыбаясь во весь рот, воскликнула:

– Добрый день! Чай? Кофе?

Иван Николаевич обнял меня за плечи.

– Прошу любить и жаловать – писательница Арина Виолова, она же Виола Тараканова. Вилка, дорогая, разрешите вам представить Катю, начальницу пиар-отдела.

Блондинка помахала рукой.

– Хай!

– И ее сотрудников, Наташу и Савелия, – продолжил Зарецкий.

Брюнетка и мужчина кивнули.

Иван расплылся в улыбке.

– Отлично. Предлагаю без долгих предисловий приступить к сути вопроса.

– Мне нравится такой подход, – одобрила Катя.

– Раньше сядем, быстрее на свободе окажемся, – шутливо подхватил Савелий. – Итак! Наша фирма производит качественный, удобный, недорогой, многофункциональный, энерго-емкий инструмент для всех садово-огородных работ. Плюс мини-трактор и робот-помощник.

– Робот-помощник? – восхитилась я. – А что он делает? Копает грядки?

– Если позволите, Савелий сначала расскажет о простых товарах, – вмешалась Наташа, – а уж потом обсудим Емелю.

– Наши изделия пользуются устойчивым спросом, – продолжил Савелий. – Но все равно нам не помешает, если наш товар отпиарит женщина, увлекающаяся садом-огородом и закат-кой банок, которая вызовет доверие у целевой аудитории.

– От Ивана Николаевича мы знаем, что вы, невзирая на создание многочисленных книг, обожаете выращивать овощи и цветы, – вмешалась Катя.

Я поняла, что Зарецкий ничтоже сумняшеся наврал пиарщикам о любимом досуге Арины Виоловой. На самом же деле я стопроцентный урбанист, о садово-огородных работах имею весьма поверхностное представление. Когда я была маленькой, тетка Раиса иногда отправляла меня в деревню к бабке, и там я собирала с картофельной ботвы колорадского жука. Еще помнится, пропалывала свеклу. И мне оба этих занятия категорически не нравились.

– С вашей помощью мы привлечем к своему товару покупателей, – договорила Екатерина.

– Зачем рекламировать инвентарь, если он и так уходит влет? – с запозданием удивилась я.

Савелий потер ладонями уши.

– К сожалению, сейчас наметился спад покупательского спроса. Почему? На рынке появилась фирма «Огородтрестсад», которая выпускает недолговечные, топорные, дорогие...

– Погодите, это же вы, – растерялась я.

Екатерина покраснела.

– Мы «Садтрестогород». Морозовцы специально так назвались, чтобы нас путали!

– Некрасиво, – согласилась я.

– Отвратительно! – вспылила Катя. – Ну ничего, участие в нашей акции такой звезды, как вы, сразу исправит положение. Что нам надо? Работа на выставке, встреча с покупателями, интервью для СМИ. Ната, теперь твой черед.

Наташа откашлялась.

– Научно-механический отдел нашей фирмы разработал и приготовил к выпуску первого в России садово-огородного робота по имени Емеля Премудрый. Это многофункциональный помощник, который заряжается от электросети. Если разрешите, мы вам его покажем.

– Жуть как интересно! – подала из кухни голос Светлана.

Наташа улыбнулась.

– Виола, вы не против?

– С удовольствием посмотрю, – совершенно искренне ответила я. – А что Емеля умеет делать?

– Все! – оживился Савелий. – Сейчас Ната продемонстрирует.

– Мне потребуется минут десять на подготовку, – предупредила брюнетка.

– Отлично, – подал голос Иван Николаевич, – мы пока кофейку попьем.

Савелий взял чашечку, сделал глоток и замер. На его лице появилось удивление, быстро превратившееся в гримасу отвращения.

– Туалет слева по коридору, – живо подсказала я.

Пиарщик молча бросился в указанном направлении.

– Что с ним? – удивилась Катя.

Я схватила поставленный перед блондинкой капучино и со словами:

– Сейчас вернусь, – поспешила на кухню, где ко мне немедленно подступила домработница:

– Наладили работа?

Но я задала свой вопрос:

– Что вы на сей раз насыпали в кофе?

– Заварочку, которую вы купили, и сахар с ароматом ванили, – отрапортовала Светлана.

Я перевела дух и продолжила допрос:

– Из какой вы банки брали песок? Опять из жестянки «Мука»?

– Нет, вон из той, что на столешнице. Желтенькая коробка с надписью «Морфий».

– Морфий? С ума сойти! – подпрыгнула я. – Интересно, где произвели эту тару?

– Фиг ее знает, – пожала плечами Света, – не по-русски накарябано, но понятно!

Я схватила банку пронзительно лимонного цвета, прочитала «Morfij» и текст, напечатанный чуть ниже, и рассмеялась.

– Светлана, это упаковка из-под напитка от нервного возбуждения. Здесь написано по-немецки: «Вы легко успокоитесь, если выпьете вечером наш чай. Ведь Морфий – бог сна». Однако странно, мне казалось, что имя древнегреческого бога пишется иначе... Хотя я могу ошибаться.

– Какая разница, как его величать? – пожала плечами домработница. – Теперь там сахар с ароматом ванили.

Я засунула нос в коробку.

– Действительно! А почему тогда напиток помойный?

Светлана поджала губы.

– Молоко! – осенило меня. – Оно где?

– В белой бутылке, – отрапортовала домработница.

Я схватила пластиковую емкость и чуть не уронила ее.

– Светлана!

– Аюшки?

– На этикетке черным по белому написано: «Гель для мытья электроплит с запахом банана»!

Прислуга приблизилась ко мне.

– Нет, вы не правы, буквы не черные, а ярко-оранжевые. Ну надо же! То-то я подумала, чего это молоко так хорошо взбивается... Пена получилась упругая, без пузырьков, прямо загляденье. А куда молоко подевалось? А-а-а, вон оно, на мойке. Ну какие странные производители! Разве можно два разных товара в одинаковую тару наливать? Дураки, право слово!

Я медленно втянула носом воздух. Вилка, не нервничай, нельзя кричать на человека, который не получил должного воспитания, необразован и вынужден зарабатывать на жизнь мытьем полов. Да, очень хочется треснуть Свету по макушке трехсотграммовой, узкой многоугольной емкостью с золотой крышечкой, в которой содержится гель, воняющий гнилым бананом, а потом развернуть домработницу лицом к литровой, круглой, закупоренной ярко-красной пробкой бутылке с молоком и заорать: «Найди хоть одно сходство в таре!» Но, конечно же, я этого не сделаю, просто как следует отчитаю неумеху. Я уже открыла рот, и тут в кухне возник Иван Николаевич.

– Виола, дорогая, Наташа готова продемонстрировать робота. Вы хорошо себя чувствуете? Сильно побледнели.

Я подавилась гневной фразой и почувствовала глубочайшую благодарность к Зарецкому. Очень вовремя он сейчас появился и не дал мне напасть на прислугу.

– А мне можно поглядеть? – поинтересовалась Света, не зная, что я едва удержалась от рукоприкладства.

– Только молча и не входя в гостиную, – предупредил Зарецкий. – Наблюдайте из кухни.

Глава 4

– Вот наш Емеля, – гордо заявила Наташа. – Рост, как у девятилетнего ребенка, зарядное устройство спрятано на спине. Смотрите, вынимаем шнур и элементарно вставляем вилку в розетку. Что вы видите?

– На груди робота замигала красная лампочка, – ответила я.

– Не устаю восхищаться вашей сообразительностью, – живо влез с комплиментом Иван Николаевич.

– Когда маячок превратится в зеленый, Емеля будет готов к выполнению заданий, – продолжала Наташа. – Вот пульт, на нем надписи – «вперед», «назад», «влево», «вправо», «взять», «положить», ну и так далее. Допустим, вы хотите, чтобы робот притащил лейку с водой, она стоит слева у дома. Ваши действия: нажимаем на «влево», потом «вперед», «взять», «принести», «поставить». Проще некуда. Руки и ноги у Емели сменные. На пульте внизу указано: «Инвентарь, грабли, лопата, лом, вилы, тяпка...» Допустим, желаете отправить Премудрого вскопать грядку. Ваши действия: нажимаете последовательно «инвентарь», «руки», «лопата», «вперед», «копать». Честное слово, легче только сериал смотреть!

– Оригинальная разработка, – оценил Зарецкий. – Сколько стоит робот? И когда начнется его массовое производство?

Пиарщики переглянулись.

– Последняя информация исключительно для служебного пользования, является тайной фирмы, – предупредила Катя. – Емеля опытный образец. Сейчас он стоит восемь миллионов рублей.

– Ничего себе... – выпалила я. – Кто же его купит?

– Предполагаемая целевая аудитория пенсионеры, которым из-за возраста трудно возиться в земле, а также мамочки, сидящие на дачах с детьми, – начал загибать пальцы Савелий. – Да, робот дороговат, но мы надеемся, что нам удастся значительно снизить его стоимость. Поймите, сейчас перед нами не стоит задача запускать Емелю в производство, это имиджевый проект, цель которого показать, что наша фирма думает о простых людях.

– Ага, – кивнула я, – отличная штука, и всего за восемь лимонов. Правда рубликов, не валюты. Да любая бабуля за Емелей в очередь встанет!

– Как приятно, что вы с полуслова оценили нашу идею, – восхитилась Катя, не заметив ехидства в моих словах. – Давайте вспомним, что первые мобильные телефоны тоже были баснословно дороги, а теперь даже бомжи на паперти с трубками сидят. Со временем Емелю просто будут вручать в качестве подарка за покупку лопаты. Конечно, это случится не сегодня, не завтра, но непременно произойдет. Я верю в прогресс!

– Кстати, о лопате, – подхватил Савелий. – Если мы сейчас подписываем контракт, то завтра вы на нашем стенде представите интерактивную лопату и новейшие садово-огородные приспособления. И там мы при огромном скоплении народа и прессы явим людям Емелю. Ну? Как?

Я взяла лежащую на столике шариковую ручку.

– Полагаю, Иван Николаевич прочитал контракт. И раз он молчит, я могу спокойно скрепить документ подписью.

– Дорогая Виола, очень ценю ваше доверие! Не беспокойтесь, я выучил текст наизусть, – засмеялся Зарецкий.

– Ваш издатель дрался, как лев, за лучшие условия для своего автора, – заметила Наташа. – Хотелось бы и мне иметь такого босса.

Я начала тщательно выписывать фамилию «Тараканова» на каждой странице.

– Нам нужна подпись, – остановила меня Катя, – без расшифровки.

Я смутилась, Зарецкий быстро пришел мне на помощь.

– Виола Ленинидовна именно так расписывается, без загогулин, закорючек и финтифлюшек.

– Разрешите оставить у вас Емелю до завтра? – попросила Наташа. – Он как раз зарядится, а когда мы за вами заедем, заберем заодно и робота.

– Ой, пожалуйста, подойдите ко мне скорей! – вдруг закричала из кухни Светлана.

– Через пять минут, – ответила я.

– Нет, нет, сейчас! Иначе беда случится! – заголосила домработница.

Мне пришлось встать и поспешить на зов.

– Ни в коем случае не соглашайтесь, – трагически зашептала Света. – Вообще никак! Гоните робота вон, нельзя монстра в доме держать!

– Уважаемая Светлана, – ледяным тоном произнесла я, – мы договорились с вами об уборке, готовке и помощи при мелких покупках. Мои дела вас совершенно не касаются. К сожалению, наши отношения складываются не так, как я ожидала. Вы очень невнимательны и сейчас, подав гостям кофе с гелем для мытья плит, поставили меня в глупейшее положение. Поэтому...

Домработница всхлипнула и умоляюще вытянула вперед обе руки.

– Пожалуйста, не говорите дальше! Я все поняла. Более это не повторится. Я вас обожаю, все ваши книги прочитала, наизусть выучила, сериалы посмотрела, на диске купила...

На моих губах помимо воли появилась глупая улыбка – к читателям у меня особое отношение. Если человек любит мои детективы, я всегда в ответ буду любить его. Мне до сих пор удивительно, что люди покупают мои книги, и всякий раз, приходя на автограф-сессию, я впадаю в ступор. Столько народа! Зачем они явились в магазин? Неужели все хотят получить автограф Арины Виоловой? Да быть того не может! Небось вон там, за колонной, сидит некий настоящий прозаик, а меня никто не ждет.

– Я до смерти обрадовалась, когда Иван Николаевич сообщил, кто коттеджик на лето снял, – заливалась соловьем Света. – Вы мой кумир! Буду во сто раз внимательнее! Кофе теперь аккуратненько сварю! Если вы меня выгоните, куда мне деваться-то? Дом мамы я продала, туда новые жилыцы въехали, в Италию только осенью ехать. Ой, ой, придется под кустом ночевать! Я-то ладно, фиг бы со мной, но куда коллекцию ваших книг спрятать? Собираю ведь их! Пойдет дождь, промокнет мое единственное богатство, радость любимая... Хотите на колени встану?

Я малодушно дала задний ход.

– Никто вас увольнять не собирается, просто в дальнейшем будьте аккуратнее.

Светлана кинулась ко мне с распростертыми объятиями и попыталась поцеловать. Я ловко увернулась от нее.

– Объясните, почему Емеля вызвал у вас столь негативную реакцию? Он никому не мешает, стоит в гостиной у дивана, заряжается. Завтра его увезут на ярмарку. В чем проблема?

Света оглянулась по сторонам и зашептала:

– Не хорошо спорить с хозяйкой, вот я и не стала. Но я ни чуточки не виновата! Взяла бутылку с молоком, поставила на столик, сварила кофе, схватила молоко не глядя, взбила. Вау! А это гель оказался! И кто его туда поместил? Тот же, кто мне соду вместо сахара подсунул, – Чупа!

– Что еще за Чупа? – рассердилась я.

Светлана зажмурилась.

– Монстр. Он в лесу живет. Мне папа о нем рассказывал. Начну баловаться и слышу от отца: «А ну замолчи, иначе Чупа придет и тебя унесет».

Я подавила смешок. Похоже, Света с раннего детства отличалась редкой болтливостью, и бедный отец, когда его начинало тошнить от тараторки-дочки, пугал ее. Чупа, судя по всему, родной брат Дюдюки, которая спала у нас с Раисой в кухне под мойкой. Лет до восьми я до

паники ее боялась, но во втором классе сообразила, что Дюдюка – выдумка Раисы. И тогда мачеха принялась рассказывать мне о плохих парнях и о том, что они со мной сделают, если я буду пить, курить, материться, прогуливать занятия и садиться в машину к незнакомцам.

– Чупе робот не понравится, – бубнила Света. – Я смотрела вчера сериал, и там прямо, как у нас, события случились. Живут две тетки в чаше и не знают про злой дух, что обитает в берлоге. Одна из баб покупает пылесос-робот, который сам по дому ездит, без человека. Оборотень злится на эту дрянь, в смысле на пылесос, приходит в избу и такое там устраивает! Не дай бог, к нам Чупа заявится. Точно нас сожрет. Он уже заглядывал, банки на кухне путал. Что, если монстр с огородным помощником разберется? Восемь же миллионов Емеля Занудный стоит. Кто за ущерб платить станет? Вы. Ведь на нашей территории робота крадут.

У меня лопнуло терпение:

– Света, если Чупа всех сожрет, то не стоит переживать из-за денежных выплат, покойники автоматически освобождаются от долгов. И робот не Занудный, а Премудрый.

Лицо Светы вытянулось.

– Вы даже не представляете, как ошибаетесь. Хозяева его стребуют свое с наследников, разденут их, на процент поставят.

Я развернулась, дошла до порога и остановилась.

– Светлана, давайте договоримся: вы работаете в доме, получаете зарплату и помалкиваете. Про Чупу более слышать не желаю. Впрочем, никакие истории из вашей или чужой жизни тоже.

Домработница набрала полную грудь воздуха, явно собираясь толкнуть речь, но я покинула кухню.

Через полчаса гости стали прощаться, когда они уже стояли на пороге, я спохватилась:

– Емеля долго заряжается? Когда надо вытащить штепсель из розетки?

– Он сам все сделает, – сообщила Наташа, – аккумулятор заполнится, шнур автоматически уберется. Премудрый вам точно не помешает?

– Конечно, нет, – заверила я. – Робот тихий, есть-пить не просит.

Проводив пиарщиков и Зарецкого, я вернулась в гостиную, посмотрела на мирно стоящего в углу Емелю, похлопала его по груди и сказала:

– Давай, заряжайся, завтра нам ехать на ярмарку. – Потом поднялась в кабинет и взялась за рукопись. Процесс творчества, скрипя и хромая, поплелся по каменистой дороге. Не знаю, сколько времени прошло, когда до меня долетел шепоток:

– Извините, что отвлекаю.

Я подняла глаза от рукописи и скривилась:

– Светлана, не надо мне мешать.

– Простите, бога ради, но внизу гости, – сообщила помощница.

– Опять? – изумилась я. – Кто на сей раз? Надеюсь, не ваша лохматая волосатая Чупа?

– Ой, не произносите имя чудища вслух! – испугалась Света. – Услышит и точно прилетит.

– А что, у монстра есть крылья? – восхитилась я.

– Пожалуйста, спуститесь, – жалобно протянула домработница, – пришла Лариса.

– Не знаю такую, – пробормотала я, пытаюсь понять, что делать с главной героиней романа, которую я в порыве вдохновения загнала на крышу небоскреба. Ну вот куда деваться бедняжке? Со всех сторон к ней подбираются бандиты, не прыгать же несчастной вниз. Я не собиралась ее убивать – основной персонаж книги не может скончаться на пятой странице! Может, направить к дурочке вертолет?

– Лариса – вдова Бориса, – уточнила Светлана.

– Понятия не имею, кто он такой, – буркнула я, продолжая размышлять. Нет, винтокрылая машина не поможет. Откуда у простой училки младших классов деньги на ее аренду?

– Борис – это покойный брат Леонида, мужа Ирины Петровны, – объяснила домработница.

Я вынырнула из мыслей.

– Хотите сказать, к нам явилась соседка?

– Не хочу, а говорю, – затрещала домработница. – Вот чудеса дивные! Я чуть в обморок не грохнулась, когда услышала за спиной: «Скорее, помогите». Решила это Чу... Ой, молчу молчком! Уже зашила рот. Так чего делать? Кофе ей налить? Странная она, вся трясется. Одно слово, сумасшедшая. И мишка при ней.

Я встала и поспешила вниз.

Глава 5

На кухне у плиты, сгорбившись, стояла женщина неопределенного возраста, одетая в темно-зеленый балахон. Красавицей или даже просто симпатичной гостью было трудно назвать. К тому же у Ларисы явно лишний вес. И ей бы не помешал поход к хорошему парикмахеру – волосы у нее торчали в разные стороны, а челка выглядела так, словно ее отгрызли пьяные кошки.

– Здравствуйте, – сказала я, – рада встрече, приятно познакомиться с соседями.

Лариса молчала, крепко прижимая к себе медвежонка, из спины у него торчала ручка.

– Какая у вас милая сумочка в виде плюшевого мишки, – восхитилась я.

Лариса судорожно кивнула.

– Можете позвонить врачу? У нас телефона нет, – попросила она.

– Конечно, – пообещала я, вынимая из кармана брюк трубку. – Кто-то заболел?

– Ира. Ей плохо, все болит, – вполне разумно ответила соседка. – Надо медикам показаться.

– Совершенно с вами согласна, – сказала я. – По какому номеру звонить?

– Врача наберите, – после небольшой паузы произнесла Лариса.

– Наверное, ноль три, – пробормотала я.

– Не-а, – возразила Светлана, оказавшаяся тут как тут. – Ноль три это с городского, с сотового иначе, а лучше сразу в нашу больницу обратиться. Дайте-ка...

Я не успела ничего сказать, как домработница выхватила у меня трубку и через пару секунд закричала в нее:

– Алло! Клиника? Приезжайте срочно, человеку плохо! Отравилась. Без сознания лежит. Ирина Петровна Владыкина. Павлиново, улица Коммунистическая, дом один. Золовка вызывает, Лариса. Нечего расспрашивать, лучше колеса салом смажьте! Это ваша проблема. Если в положенное время не явитесь, жалобу напишу, прямехонько губернатору Подмосковья. И наш разговор сейчас записываю на компьютер.

Света вернула мне телефон и торжествующе произнесла:

– Во как с ними надо. А то заблеяли: «У нас одна машина на вызове, у другой колесо спущено»... Знаю я их, небось вторая бригада лопать села. Нет, скажу я вам, научно-технический прогресс – великое дело. Раньше-то они нам хамили и ничего не боялись, начнешь на медиков в райздрав жаловаться, а от них один ответ: «Не верьте ей, больная все врет». Теперь-то у всех телефоны с диктофонами-камерами да еще Интернет, вот и притихли жабы. Слышите? Вроде уже скажут, сирена воет. Интересно, как шофер за пару секунд успел колесо сменить? Сволочи, одним словом.

– Мне домой надо, – вострепнулась Лариса, с неожиданной резвостью кинулась к двери на террасу и исчезла.

– Во дает! – восхитилась Светлана. – Бегает живее Чу... Ой, молчу, молчу! Вообще странно, что она позвонить попросила.

– Вовсе нет, – возразила я. – Далеко не у всех подмосковных жителей работает телефонная связь. Центральное газо- и водоснабжение, между прочим, тоже у некоторых отсутствует. Ведь здесь, в коттедже Антонины Тарасовны, аппарата нет.

– Но у вас мобильник, и у меня тоже, – заспорила Света. – Ваш, конечно, дорожный, а моя труба дешевая, но хорошо работает. Неужели Ирина мобильник не купила? И у нее в доме раньше был городской телефон, у Петра Германовича в кабинете стоял.

Я решила не продолжать пустопорожний разговор, пошла в кабинет и вновь села за стол.

Через пару часов за спиной снова раздался шепоток:

– Вилка, извините.

Я резко повернулась к двери.

– Перестаньте мне мешать!

– И в мыслях не было вас отвлекать, – захныкала домработница. – Там полиция пришла.

– Зачем? – изумилась я.

Светлана закрыла лицо руками.

– Ой, страшно-то как! Соседка Ирина Петровна ведь померла.

Я вскочила и побежала в гостиную.

Высокий темноволосый мужчина, сидевший на диване, встал, одернул бежевый пуловер с темным орнаментом, вынул из кармана удостоверение, мельком продемонстрировал его мне и, протянув руку, представился:

– Федор Леонов.

– Виола Тараканова, – назвалась я, заметив у него родинку посередине ладони. – Что случилось? Садитесь, пожалуйста.

– Нам сообщили, что вы вызывали «Скорую помощь»... – начал Федор.

– Да, – кивнула я, – по просьбе Ларисы, дамы, которая живет в соседнем доме. Она сказала, что Ирине Петровне плохо, и попросила пригласить врача. Но в клинику обращалась не я, а домработница.

– Я вежливо говорила! – закричала из кухни Светлана. – Если они жалуются, что я им нахамила, то врут!

Леонов улыбнулся, я развела руками. Затем пояснила:

– При разговоре присутствовала Лариса, беседа с диспетчером была краткой, автомобиль прибыл быстро. А что случилось?

– Владыкина скоропостижно скончалась, – пояснил Федор. – Вы давно дружите?

– Нет, мы вовсе не дружим. Собственно, не знакомы даже. Я въехала сюда на прошлой неделе, сняв этот коттедж. Где живет Антонина Тарасовна, его хозяйка, понятия не имею, но могу дать телефон человека, который улаживал с ней формальности. У меня на руках договор об аренде, все оформлено официально. С Ириной Петровной я никогда не разговаривала. Впрочем, с остальными членами ее семьи тоже.

– А почему Лариса обратилась к вам? – спросил Леонов.

Я пожала плечами.

– Об этом лучше спросить не у меня, а у нее. Могу лишь предположить, что перепуганная женщина кинулась сюда, потому как кроме меня рядом никто не живет.

– А вот и кофеек, – заявила Светлана, вливая в гостиную. – Пейте на здоровье, варю каплеchino лучше всех, в Милане научилась.

Домработница поставила перед Леоновым чашку и замерла, скрестив руки на груди. Я схватила кофе и живо выплеснула в окно. Из сада раздался странный звук, смахивающий на всхлип.

– Мамочка родная! – закричалась Светлана. – Господи, вы чего наделали? Небось Чупу облили, теперь мстить будет. Надо в Горловку скататься, святой воды привезти.

Причитая на разные лады, прислуга убежала. Леонов как-то странно посмотрел на меня.

Я пустилась в объяснения:

– Не волнуйтесь, у меня с головой полный порядок. Светлана досталась мне вместе с коттеджем, и, к сожалению, она постоянно все путает, а с кофе у нее вечная беда. Утром вместо сахара положила туда пищевую соду, потом преподнесла моим гостям капучино с гелем для чистки кухонных плит. Какую дрянь она налила сейчас вам, понятия не имею, но на всякий случай решила, что лучше кофе не пробовать. Вдруг Света использовала туалетного утенка? Труп полицейского в гостиной доставит мне гору неприятностей. Еще прислуга боится какого-то монстра, который, по ее мнению, живет в лесу и может прийти в дом...

– О господи! – неожиданно воскликнул Федор. – Это кто?

Я съежилась, на секунду испугавшись. В голове появилась безумная мысль: в коттедж в самом деле пришел Чупа, страх домработницы материализовался.

– Обалдеть! – восхитился Леонов. – Прямо «Звездные войны»! Он настоящий? Думал, в углу у вас предмет интерьера стоит, а он поехал.

Я обернулась и выдохнула. Вилка, не сходи с ума, оборотней, привидений, леших и домовых не существует.

– Это Емеля, робот для сада, видимо, уже зарядился и отъехал от розетки. Где-то здесь пульт лежит... Надо же, меня не предупредили, что Премудрый после зарядки покатится, я считала, что он будет на месте стоять.

Федор взял со столика у дивана прямоугольный предмет.

– Он?

– Да, – обрадовалась я. – Давайте пульт сюда. Так, сейчас попробую его остановить. Наверное, надо нажать кнопку «ноги».

Я ткнула в нужное место, Емеля замер.

– Получилось! – заликовала я.

Но робот вдруг затрясся, затем из его рук выскочили большие ножницы. Емеля двинулся вперед, лязгая лезвиями. Я оторопела. Леонов, похоже, тоже. А железный человечек приблизился к занавеске, в две секунды настриг ее в лапшу и покатыл в сторону стола, с которого свисала скатерть.

– Стой! – заорала я.

Федор выхватил у меня пульт, и в ту же секунду электронный садовник замер. Пару минут мы с полицейским молча смотрели на чудо техники, потом я расслабилась.

– Вам удалось его остановить.

– По моему опыту, если не знаешь, как управлять электронной фигней, нажимай на самую большую кнопку, – серьезно ответил следователь.

– Возьму ваш метод на вооружение, – хихикнула я. – Решила, что Емеля замрет, если использовать кнопки «ноги» и «стоп».

– В принципе вы думали в правильном направлении, – согласился Леонов, – но у него вдруг появились ножницы.

– Наверное, я перепутала пупочки, – вздохнула я, – ткнула не туда.

– Прикольный парень, – улыбнулся Леонов. – Но небезопасный, вон чего с занавеской сделал.

– Он не мой, – начала оправдываться я, – его только сегодня сюда для рекламной акции привезли. Не понимаю, почему Емеля вдруг поехал? Если честно, я испугалась немного. На секунду мне показалось, что в комнате то самое мифическое существо Чупа, которое, по мнению моей домработницы, живет в лесу, но может прийти в дом и навредить хозяевам. Глупо, да?

– Очевидно, робота загнуло, – предположил Леонов. – Такое случается. Не волнуйтесь, Чупы не существует, он вроде Каляки, о котором мне бабушка в детстве говорила, когда я хулиганил.

– А у нас в квартире, когда я маленькая была, жила Дюдюка, – усмехнулась я.

Федор прищурился и начал задавать вопросы. Где я прописана? Чем занимаюсь? Почему решила пожить за городом? Отвечая на каждый, я удивлялась все больше и больше. Зачем выяснять столько деталей у соседки, чья помощница по хозяйству всего-то вызвала врача к Ирине Петровне?

Когда Леонов ушел, я подошла к окну и стала рассматривать то, что осталось от занавески. Вот незадача, придется покупать новую. Гостиная выходит эркером прямо на дом Владыкиных, и если я вечером, не опустив штору, зажгу люстру, то окажусь у соседей как на ладони, что не очень-то комфортно. Хорошо хоть, штора была недорогая и, похоже, почтенного

возраста. Антонина Тарасовна сдала коттедж с обстановкой и всем необходимым. Мебель у нее не новая, но в прекрасном состоянии, проверенная годами классика: буфеты, столы, стулья из цельного массива дуба, сейчас такие качественные вещи не производят. Сервизы у вдовы Петра Германовича тоже советских времен, производства Чехословакии и ГДР. Вероятно, они считались парадными, потому что выглядят новенькими. Кстати, в доме очень чисто. Если идеальный порядок дело рук Светы, то ей можно простить болтливость вкупе с глупостью.

Я хотела взять с подоконника лоскут ткани, но он спланировал на цветок, росший под окном. Не знаю, как он называется, но бедняге досталось по полной программе. Не подумав о посадках, я выплеснула в окно кофе, и вот результат: стебли сломались, листья осыпались...

Я замерла. Минуточку, в чашечку никак нельзя налить более ста миллилитров напитка. Неужели столь малое количество горячего кофе могло так изуродовать растение? Конечно, душ из арабики не пойдет на пользу кусту, но ведь не прибьет его к земле и не поломают.

Прямо в окно я вылезла в сад и начала осматривать цветок. Оказывается, часть кофе попала на лопушистое растение с сиреневыми бутонами. Но оно распрекрасно себя чувствует, две бежево-коричневые капли на широких листьях кажутся росой. А вот куст рядом скончался, и около него примята трава...

Мне вспомнился странный звук, раздавшийся из сада через секунду после того, как я выплеснула в окно капучино. Светлана, кажется, была права, предположив, что во дворе кто-то есть, только это был не мифический Чупа, а обычный человек.

В траве что-то блеснуло. Я наклонилась и подняла золотую зажигалку с гравировкой «С Новым годом!».

Положив находку в карман, я пошла к соседям.

Глава 6

Дверь в коттедж Владыкиных оказалась закрыта, и я нажала на звонок, прикрепленный слева.

– На фига ты дверь, уходя, захлопнул? – спросил внутри девичий голос. – Принес? Только не говори, что не нашел! Сказала же: в сарае справа.

Тут же дверь распахнулась, и я увидела девушку лет семнадцати-восемнадцати, одетую в джинсы и светло-бежевый пуловер с темно-синими квадратами. Она испуганно шарахнулась в сторону, придушенно выдохнув:

– Вы кто?

– Ваша соседка, Виола Тараканова, – представилась я.

– Что вам надо? – не особенно любезно осведомилась девица.

– Вы, наверное, Олеся? – предположила я.

– И чего? – нахмурилась она.

– Леся, – произнес в этот момент за моей спиной слегка надтреснутый голос, – я принес отбеливатель. Извини, что долго, не сразу нашел.

Я обернулась и увидела высокого, слишком худого бледного парня в клетчатой рубашке и джинсах. Он держал в руке пластиковую бутылку с этикеткой «Чистота».

– Что вам надо? – грубо спросила Олеся, в упор глядя на меня.

– Недавно ко мне с просьбой вызвать «Скорую» прибежала Лариса. Я подумала, что вам нужна помощь, – объяснила я. – Наши дома стоят рядом, больше тут никого нет.

Девушка провела ладонью по лицу. Затем заговорила совсем иначе:

– Вы уж извините. У нас беда, Ирина Петровна умерла совершенно внезапно, я очень испугалась, а когда нервничаю, становлюсь хамкой. Лариса вообще-то хорошая, но... немного странная. У нее инсульт был, теперь она мыслит как дитя.

– Крови много было, – неожиданно добавил Никита, – огромная лужа. Жуть! Лара сказала, что пятна отбеливатель уберет, вот я и пошел за ним.

– Ступай в дом, – устало произнесла сестра.

Парень бочком проскользнул мимо меня и исчез в коридоре.

– Спасибо вам, – сказала Олеся, – но нам лучше побыть без посторонних.

– Да, конечно, – кивнула я. И вынула из кармана зажигалку. – Кажется, эту вещицу потерял кто-то из членов вашей семьи.

– Нет! – неожиданно испугалась девушка. – Ни у кого из наших такой нет и никогда не было! У нас никто не курит, это очень плохая привычка. Зажигалка не наша! Мы отношения к ней не имеем! Где вы ее взяли?

– Нашла в саду под окном моей гостиной, – уточнила я, – она лежала в кустах.

Олеся протянула руку.

– Ага, ясно. Отдайте ее мне, уберу подальше.

Но я сунула находку в карман брюк.

– Нет. Вещь не ваша. Зачем она вам? Извините за беспокойство.

Потом я развернулась и пошла по тропинке к своему коттеджу, спиной ощущая взгляд девушки.

Что ж, все понятно – Олеся тайком от матери курит. Она перепугалась, что Ирина узнает о ее дурной привычке, поэтому, услышав мой вопрос про зажигалку, тут же стала отрицать, что та принадлежит ей. Но уже через пару секунд девушка захотела забрать вещицу, а я из чистой вредности ее не отдала. Как огниво оказалось под моим окном? Ну, я известная личность, меня показывают по телевизору. Девушка читает мои детективы, узнала меня и из любопытства

решила подсмотреть-подслушать, как я живу. Олеся присела под открытым окном гостиной и – получила на голову порцию кофе. Зажигалка ерунда. Но что случилось с Ириной Петровной?

Следующие два часа я упорно пыталась работать. С трудом выдавила из себя полторы страницы, отбросила ручку и позвонила Ивану Николаевичу.

– Виола, дорогая! Так приятно слышать ваш голос! – обрадовался Зарецкий. И тут же встревожился: – Что-то случилось? Обычно вы в этот час творите и не любите, если кто-то вас отвлекает. Заболели? Нужен врач?

– Я совершенно здорова, – успокоила я издателя. – Помнится, на вашем дне рождения был Андрей Платонов...

– Да, да, – оживился Зарецкий, – он мой старый друг, мы общаемся с детства. Андрей учился на юридическом, сейчас занимает высокий пост, руководит особым отделом. А что произошло? Почему вы о нем вспомнили?

– Пару часов назад умерла Ирина Петровна, дочь Антонины Тарасовны, – пояснила я.

– Да, неприятно... – протянул Зарецкий. – Давайте я приеду в Павлиново?

– Нет, спасибо, – отклонила я любезное предложение. – Мне просто хочется узнать, почему она скончалась. Незадолго до вашего с пиарщиками визита я слышала, как соседка громко кричала на мужа. Владыкина категорически не походила на больную.

Иван Николаевич не проявил беспокойства.

– Увы, так порой случается: сейчас ты жив, а через десять минут тебя нет. Тромб оторвался, аневризма лопнула, инсульт случился. Да что я вам, автору детективных романов, рассказываю? Сами лучше меня знаете.

– Никита, сын Ирины, сказал, что в комнате было много крови, – пробормотала я. – Увидела парня, когда тот притащил из сарая бутылку с отбеливателем. Похоже, они с сестрой решили привести дом в порядок. И ко мне заходил местный полицейский Федор Леонов, расспрашивал, что да как.

– Виола, дорогая, вы имеете отношения к случившемуся? – снова занервничал Зарецкий. Я рассказала Ивану Николаевичу про визит Ларисы.

– Пока ничего особенного не наблюдается, – успокоился издатель. – Возможно, Лариса психическая больная, но тихая, не опасная. Она перепугалась, увидев тело Ирины, не поняла, что та скончалась, помчалась за подмогой...

– Откуда в комнате лужа крови? – перебила его я. – И зачем Леонов устроил мне допрос? Начал выяснять, где я прописана, кто я по профессии, нет ли у меня мужа-детей.

– Вы же позвонили в «Скорую», – попытался оправдать полицейского Зарецкий.

Я не сдала позиций:

– Вообще-то с диспетчером разговаривала Светлана. И какая разница Леонову, замужем я или нет? Я не хамила работнику «Скорой помощи», вызов не был ложным, просто помогла соседке. Но Федор, похоже, с удовольствием взял бы у меня анализ ДНК.

– Что?! – возмутился Зарецкий. – Да как он посмел, мерзавец! Ну ничего, мало ему не покажется!

Я попыталась остановить разозленного олигарха:

– Иван Николаевич, это шутка, про ДНК речи не было.

Но из трубки уже неслись частые гудки.

Следующие четверть часа я никак не могла соединиться с Зарецким – тот буквально повис на проводе. В конце концов я решила пойти выпить чаю, спустилась на первый этаж, и тут сотовый отчаянно запищал.

– Виола, дорогая, вы можете сейчас побеседовать с Андреем Платоновым? – спросил Зарецкий.

Я обрадовалась.

– С удовольствием.

И сразу услышала мягкий тенор:

– Добрый день, Виола... э... Леопардовна.

– Ленинидовна, – раздался вдалеке голос Зарецкого. – Безобразие, какой ты невнимательный, Андрей, перепутал имя отца нашей великой писательницы!

– Простите, – смутился Платонов.

– Давайте без отчества, – попросила я, – оно у меня сложное, с первого раза не выговорить.

– Отлично, – обрадовался Платонов, – тогда я Андрей. Тут Ваня раскипятился, говорит, что некий Шерлок Холмс, Федор Леонов, пытался взять у вас анализ ДНК?

Мне пришлось объяснять, как обстояло дело.

– Ясно, – хмыкнул Платонов. – Можете описать парня?

Я напрягла память.

– Высокий шатен со спортивной фигурой, глаза то ли серые, то ли голубые, речь грамотная.

– Особых примет не заметили? Вы, похоже, наблюдательный человек. Татуировки, шрамы?

– Ни тату, ни отметин я не заметила, только родинка на странном месте – посередине ладони правой руки. Ни у кого такой не видела.

Андрей молчал.

– Ау, вы где? – спросила я. – У меня связь прервалась?

– Это он? – прозвучал издалека голос Зарецкого.

– Да, – подтвердил Платонов. – Что ему в Павлинове понадобилось?

– Кто он? – задержалась я. – Объясните скорей!

Андрей откашлялся.

– Федор Леонов – частный детектив, этакий благородный рыцарь, помогает униженным, оскорбленным, жертвам полицейского произвола, – был осужден за несовершенно преступление. За работу берет копейки, а часто вообще не требует оплаты. Ухитряется добиваться успеха.

– На какие же доходы он существует, если не требует гонорар? – удивилась я.

Платонов издал звук, похожий на смешок.

– Федя – единственный наследник огромных капиталов, его отец в начале девяностых создал успешный бизнес. Иван прекрасно знал старшего Леонова. Да и вы, небось, о нем слышали. Канцелярские товары «Ферго».

– Пользуюсь их ручками, пластиковыми папками, скрепками, – подтвердила я.

– А еще ластики, карандаши, степлеры и куча всякого барахла, необходимого школьникам, студентам, офисным сотрудникам. Если Федя берется за дело, для него нет преград, – продолжил Андрей. – Вопрос: что ему понадобилось в Павлинове? По какой причине он к вам примотался?

– Что случилось с Ириной? – задала я свой вопрос.

– Дайте мне десять минут, – попросил собеседник.

Платонов оказался на редкость точен – перезвонил именно через десять минут. Ни раньше, ни позже.

– У покойной давно были проблемы со здоровьем. Ей вшили кардиостимулятор, но сегодня у нее случился сердечный приступ.

– А откуда кровь в комнате? – не успокоилась я.

– Ирине Петровне стало плохо в гостиной, она в тот момент находилась неподалеку от окна, падая, ударилась головой о батарею, – просветил меня Платонов.

– Ясно, – вздохнула я. – Вот бедняга! Значит, ничего криминального в происшествии нет.

– Вроде так, – осторожно подтвердил собеседник. – На первый взгляд произошедшее выглядит банально.

– А на второй? – живо поинтересовалась я.

– Виола, я не занимаюсь этим делом, а потому стопроцентно уверенным в том, что смерть Владыкиной не насильственная, быть не могу, – ответил Андрей. – Но считаю, что вам не стоит беспокоиться. Хочу вас предупредить: Леонов не очень хороший человек. Федор считает, что цель оправдывает средства, и готов ради достижения успеха на любые действия. Если вы ему нужны для того, чтобы участвовать в расследовании, парень будет мил, обаятелен, приветлив. Он манипулятор, знает, как понравиться людям, способен любого уговорить плясать под свою дудку. Но, как только необходимость в помощнике отпадет, он тут же его бросит, как яблочный огрызок. Я бы с ним в разведку никогда не пошел.

Поблагодарив Платонова и Ивана Николаевича, я попыталась продолжить работу. Однако писалось со скрипом. На улице неожиданно стало пасмурно, и у меня заболела голова. В девять вечера, с огромным трудом наваяв пять страниц, я решила остановиться, выпила чаю с конфетами, легла в кровать, пощелкала пультом от телевизора и сама не заметила, как заснула.

Глава 7

– Вилка, – прошептал детский голос, – вставай, Ашкин мяч принес.
– Спать хочу, – пробормотала я, – сил нет.
– Мы тебя ждем, – продолжал ребенок, – некому на воротах стоять. Вон, они уже гол забили.

Я села, пошарила рукой вокруг себя, наткнулась на стену, открыла глаза и в первую секунду не поняла, где нахожусь. Куда подевался стул? Он всегда стоит сбоку, на нем висит приготовленная с вечера школьная форма. Отчего моя крохотная комната, в которой помещаются только раскладной диван и шкаф, сейчас вдруг стала просторной?

Через мгновение стало понятно: мне привиделся сон. Я давно не живу с Раисой в блочной пятиэтажке, а Гена Ашкин никогда уж не позовет меня играть в мяч – он умер, когда я пошла в пятый класс. Мать-пьяница не повезла сына в больницу, когда тот стал жаловаться на боль в животе, и мальчик погиб от банального аппендицита.

Я слезла с кровати, накинула халат и пошла на первый этаж за водой. Обычно я ставлю на тумбочку у кровати бутылку, но вчера забыла, и, как назло, сейчас мне захотелось пить. Свет на лестнице я не зажгла, в гостиной тоже. Дождь прекратился, в эркер смотрела луна, но в комнате было темно. Я миновала диван, кресла, хотела войти в кухню и тут услышала тихий скрип.

– Кто здесь? – стараясь казаться спокойной, поинтересовалась я.

Звук, шедший от эркера, повторился.

– Сейчас в полицию позвоню, – пригрозила я и стала медленно продвигаться к выключателю на стене.

Теперь раздался стук. Похолодев от страха, я зажгла свет и увидела, что левое окошко эркера открыто.

– Светлана! – вырвался из моей груди вопль. – Сюда! Проснитесь!

– Господи, боже мой... – захныкала появившаяся домработница. – Что же это творится в доме? Меня ноги не держат, руки трясутся, плохо очень, я чуть не умерла...

– Вы закрывали на ночь окна? – перебила я ее.

– А как же! Обе двери, и калитку в саду, и сарай проверила, – перечислила почему-то дрожащая помощница.

– Кажется, в доме побывал вор, – пробормотала я, показывая на открытую раму.

– Мамошка... – зашептала домработница. – Тише, умоляю, это Чупа.

– Пожалуйста, прекратите нести чушь! – обозлилась я.

Света принялась креститься.

– Послушайте меня. Я легла около часа, сериал смотрела, приснула чуток. И, как назло, пописать захотела. Пришлось вставать, тащиться в туалет. Иду себе и слышу из гардеробной шорох. Решила, что там мыши орудуют, и испугалась – еще съедят вещи Антонины Тарасовны, мне влетит. Собралась грызунов пугануть. Постучала в дверь, ногами потопала, пригрозила: «Сейчас покажу вам!» Открыла створку, а там...

Света попятилась, бормоча:

– Огромное чудовище... волосатое... лохматое... Оно на пороге стояло, в бывшей комнатухе Антонины Тарасовны. Хозяйка на второй этаж вообще не поднималась, говорила, там аура плохая. До вашего приезда наверху никто не спал. И тут Чупа как завоет: «У-у-у...»

– Светлана, – остановила я ее, – похоже, вы просто забыли закрыть окно, не надо рассказывать небылицы.

– Нет, именно Чупа по дому разгуливал, – продолжила нести околесицу прислуга. – Дайте объясню. Антонина Тарасовна лет пять назад из дома съехала, мне велела за порядком смот-

реть. А я страсть какая аккуратная, внимательная, если чего не так, сразу увижу. Не один год тут все нормально было. Хозяйка в Павлиново никогда не приезжает, но деньги мне каждый месяц передает, я сама за ними в Москву езжу. Потом господин Зарецкий коттедж снял. И вот тогда в доме изменения случились. Антонина Тарасовна жила в самой маленькой комнатенке, а вам спальню устроили на втором этаже. Прежде там кое-какое ненужное шмотье держали. Глупо, конечно, из большой залы чулан устраивать, чтобы ерунду хранить, а спать в крохотной норе, но хозяйке так нравилось. Сейчас же ее старые вещи на первом этаже, в той каморке, где Антонина Тарасовна жила. И туда сегодня ночью Чупа залез! Говорила же вам, что робот ему не понравится, по-моему и вышло. Я, как его вой услышала, на пол села, голову руками закрыла, а он мимо с топотом...

У меня в ушах застучали молоточки. Я вышла из гостиной, повернула налево, остановилась у двери комнаты горничной, потом двинулась в сторону туалета и обрадовалась.

– Вон ваш Чупа!

Света, шедшая за мной, схватилась за стену и, закрыв глаза, начала медленно сползать на пол.

– Успокойтесь, – велела я, – это не монстр, а чья-то шуба.

Домработница, уже сидя на полу, подняла голову.

– Где?

Мне стало жаль Светлану. Согласитесь, если человек идиот, живется ему трудно.

– Смотрите, на стене вешалка, а на ней доха из меха. Кстати, почему она тут болтается? На дворе июль!

Света оперлась ладонью о пол и встала.

– Это шуба Антонины Тарасовны. Она ее сто лет как не носит. Доха в чулане жила. Может, кто-то хотел ее спереть?

Я подошла к вешалке и пощупала рукав.

– Навряд ли. Старая, протертая, молью поеденная, за нее и ста рублей не дадут.

– Когда я спать шла, шубы тут не было, – слабым голосом произнесла Светлана.

Я дернула дверь кладовки. Та легко открылась, перед глазами возникло узкое пеналообразное помещение. Слева на кронштейне висело несколько старых платьев, плащ, пара курток, допотопное драповое пальто, одни плечики оказались пустыми. Справа, в специальной подставке, хранилась обувь, чуть поодаль громоздились чемоданы, коробки. У стены стояла швабра с толстой ручкой.

– Все ясно, – пробормотала я. – Вы не захлопнули окно, в коттедж влез бомж, решивший чем-нибудь пожить. Он добрался до чулана, услышал, как вы идете в туалет, выскочил с мантией в руках, напугав вас, и удрал тем же путем, каким пришел. Давно вы с ним столкнулись?

– Не знаю, – жалобно пропищала дурочка. – Сидела вот тут на полу, боялась руки с головы снять, глаза открыть. Потом услышала шаги... и вы закричали «Светлана!» Меня как поднимет, как понесет в гостиную...

– Понятно, – кивнула я. – Звоните в полицию, сообщите о попытке ограбления. Сейчас тщательно проверю все запоры в помещениях на первом этаже.

Домработница всхлипнула.

– Только воды попью.

Пока Света приходила в себя, я вернулась в гостиную и начала осматривать подоконник. На белой поверхности обнаружилось несколько царапин с торчащими из них занозами, за которые зацепился клочок ткани бежевого цвета с темным вкраплением, на раме снизу имелись мелкие порезы. Обычно стеклопакеты открываются внутрь комнаты, а у Антонины Тарасовны рамы поднимаются. Теперь надо присесть на корточки и оглядеть пол. Ага, вот тут комочки влажной земли...

Я встала, подошла к соседнему окну, рывком подняла его в верхнее положение, потом вернула вниз, поняла, каким образом злоумышленник проник внутрь, и крикнула:

– Света, не звоните в полицию.

– Звоню, звоню, – не поняла домработница. – Только дежурный не отвечает, дрыхнет небось.

– Отложите телефон, – велела я.

– Почему? – спросила Светлана.

– Все равно бомжа не найдут, – вздохнула я. – В дальнейшем, закрывая окна, будьте внимательны. Когда опускаете раму, непременно вдавите ее до щелчка. Иначе язычок запирающего устройства не войдет в паз, тогда остается узкая, почти не заметная глазу щель. Грabitель просовывает в нее лезвие ножа или другой подобный предмет, приподнимает раму... ну а потом понятно. Вы два окна закрыли как следует, а третье нет.

Светлана села в кресло.

– Ноги не держат, по сию пору ходуном ходят. Не виновата я вовсе! Это оконце сто лет как сломано, из него какая-то деталька выпала. Дом давно строили, Петр Германович его шикарно обустроил. Тогда в СССР о стеклопакетах и не слышали, но Владыкин раздобыл мастера, который их соорудил. Ни у кого в округе таких чудес не имелось. Мама моя на окна нахвалиться не могла – не дуло совсем, на зиму заклеивать не требовалось. Красота! Говорила я вам, что мамуля у Петра Германовича служила? Ой, ну как они странно с женой жили! Не по-человечески.

– И вы не предупредили Зарецкого, что одно окошко не запирается? – поинтересовалась я.

– Так меня и не спрашивали. Чего лезть-то? – заморгала домработница.

– Скажите, что еще в коттедже неисправно? – потребовала я.

Светлана перекрестилась.

– Все!

– Весьма откровенно, – усмехнулась я.

– В смысле, рама – единственная неполадка, – уточнила прислуга.

– Ладно, идите спать, – распорядилась я.

А когда домработница ушла, сбегала в спальню, принесла пинцет для бровей, маленькую коробочку-таблетницу, осторожно отцепила от подоконника бежевый лоскутик и спрятала его. Почему я велела Свете не звонить в полицию? Потому что догадалась, кто нанес визит в мой дом без приглашения. Хорошо бы не возникло проблем с мобильной связью. Интернет в доме Владыкиной отсутствует, но у меня в айпад вставлена симка.

Экран планшета замерцал, я вошла в поисковую строку, вбила нужное имя с фамилией и едва не захлопала в ладоши. Все-таки научно-технический прогресс здорово облегчает жизнь. Который сейчас час? Хотя, какая разница, небось отвратительный тип еще до дома не добрался. А если он обитает где-то неподалеку и улегся спать, то я буду очень рада его разбудить.

– Слушаю, – громко произнес баритон.

– Федор Леонов? – нежно промурлыкала я.

– Да.

– Беспокоит Виола Тараканова, вы сегодня заглядывали ко мне в гости.

Собеседник не продемонстрировал удивления.

– Было такое.

– Видите ли... тут... э... случилось нечто странное... у соседей... у Владыкиных... в доме, где скончалась Ирина Петровна... – забормотала я.

– Что произошло?

– Это не телефонный разговор.

– Вам угрожает опасность?

– Не знаю. Думаю, нет. Просто странно. Очень. Загадочно.

– Что?

– Сложно описать в двух словах, но, похоже, Ирину убили, – зашептала я. – Кое-что я нашла, не знаю, кому отдать. Полицию вмешивать бесполезно, она ничего предпринимать не станет.

Леонов кашлянул.

– Я знаю, что вы частный сыщик, – сообщила я. – А вы, небось, выяснили, чем занимается Виола Тараканова, она же прозаик Арина Виолова. Я нашла ваш телефон в Интернете.

– Не знаком с вашим творчеством, понятия не имел, с кем разговариваю, – ответил Леонов. – Но, каюсь, грешен, после нашей встречи порылся в сети.

– Тогда, понимаете, что женщину, побывавшую замужем за полицейским, трудно обмануть, размахивая перед ее носом пусть прекрасно сделанным, но фальшивым удостоверением. И для простого сотрудника полиции вы были слишком хорошо одеты, – заявила я. – Решила не ловить вас на лжи, но сейчас мне нужна ваша помощь.

Леонов опять кашлянул.

– Вас устроит завтра подъехать в кафе «Большой слоник»? – продолжала я. – Название смешное, но там прекрасный кофе и пироги с мясом, а я съем капустник.

– Мне тоже лучше с капустой, – уточнил Федор.

Я придала голосу радостные нотки.

– О! У нас много общего, это сближает. Так как?

– О'кей, – согласился Леонов. – Во сколько?

– В десять утра я должна посетить одно мероприятие, надеюсь, к полудню оно закончится, – зачирикала я. – Как насчет часа дня? Постараюсь не опоздать.

– Красивая женщина имеет право задержаться, – галантно отозвался Федор.

– Вот и договорились, – подвела я черту под беседой.

Глава 8

На ярмарку садово-огородного инвентаря я приехала заблаговременно.

– Мы постарались оформить самый оригинальный стенд на выставке – сделали имитацию дачного участка, – объяснила Наташа, подводя меня к воротцам, над которыми висел плакат «Садтрестогород». – Начало акции «В гостях на шести сотках у Арины Виоловой» через двадцать минут. Вы успеете переодеться и въехать в суть действия.

Я опешила.

– Мне потребуется сменить одежду и кого-то изображать?

– Писательницу Арину Виолову, – без тени улыбки пояснила Наташа. – Сейчас все объясню. Видите макет домика? Это вроде как ваша дачка. Мы распахнем ворота, народ хлынет на стенд и встанет за столбиками. Не волнуйтесь, никто к вам не полезет, охрана не пропустит. Итак, раннее утро, писательница только проснулась. Мычат коровы, пищат куры, поют птицы.

Мне понравилось заявление про пищащих кур, и я решила пошутить:

– Все эти звуки следует издавать мне?

Но пиарщица восприняла мой вопрос серьезно.

– Нет, пойдет запись. Вы сначала смотрите в окно, прикладываете ладонь козырьком ко лбу, вглядываетесь в даль. Выходите во дворик. Перед вами зеленая трава. Ей требуется кислород. А как его доставить корням?

В моей памяти ожили обрывки знаний по ботанике, полученные мной в четвертом классе.

– Если не ошибаюсь, растения дышат листьями.

– Отлично, – похвалила меня Наташа. – А корешки? Им-то каково в земле, без глоточка воздуха? Загибаются, бедные! Вот «Садтрестогород» и придумал сандалии аэрации. Вы их наденете и пойдете по газону, произнося рекламный текст. Виола, очень вас прошу, речь утверждена нашим президентом, в ней нельзя ни словечка менять.

– Придется ее зазубрить? – испугалась я.

– Нет, мы понимаем, что это трудно, поэтому дадим вам «ухо», как телеведущей. Катя будет произносить фразу, а вам останется лишь повторить ее.

– Великолепно! – обрадовалась я.

– Вы такая милая, не скандальная, – восхитилась Наташа, – одно удовольствие с вами работать. Кстати... Уж извините за этот вопрос, но как вы воспринимаете людей с нетрадиционной внешностью? Например, афророссиян?

– Мое отношение к человеку зависит от его личных качеств и совпадений наших интересов, а цвет кожи, раса и национальность значения не имеют. Одно время у меня работал шофером Жорж, мать его родом из Подмоскovie, а отец был студентом из Ганы, – объяснила я.

– Ну надо же! – обрадовалась пиарщица. – Нанятого нами артиста тоже зовут Жорж. Он будет исполнять танец вождя. Эй, кто-нибудь, найдите Жоржика! Вот вам рабочая одежда, халатик.

– Больше похож на платье, – заметила я.

– Натяните прямо поверх своей одежды, – попросила Наташа. – Вот молодец, как ты быстро пришел!

В этот момент я, поленившись расстегнуть пуговицы, надевала через голову хламиду, украшенную со всех сторон надписями «Садтрестогород», поэтому не видела, к кому обращается Наташа. А когда халат очутился на месте, я удивленно воскликнула:

– Жорж! Что ты здесь делаешь?

Бывший водитель округлил глаза и молниеносно поднес указательный палец к губам.

– Вы знакомы? – удивилась пиарщица.

Я, немного растерявшись, молчала.

– Нет, великая писательница меня с кем-то перепутала, – вывернулся мой бывший шофер. – Мы, чернокожие, все кажемся белым людям на одно лицо. Мы никогда не встречались, для меня большая честь работать с гениальной Ариной Виоловой.

– Жорж – солист балета... – начала Наташа, но договорить не успела, на стенд вбежала запыхавшаяся Катя.

– Уроды! «Огородтрестсад» полностью слизал нашу идею, построил макет дачи, участка.

– Надо срочно сообщить Филиппу Ивановичу, – занервничала Наташа, и обе девушки умчались, забыв про меня.

– Спасибо, Вилка, что не продали меня, – зашептал Жорж.

– Так ты теперь балерун? Больше не возишь пассажиров и не прикидываешься немым? – улыбнулась я. – Как дела?

– Вы мне тогда помогли, хороший совет дали, – зашептал парень. – Вот, видите амулет?

Жорж расстегнул рубашку, и я узрела висящий на его груди медальон из желтого, блестящего металла. В середине его торчал светящийся зеленый камень.

– Что это? – удивилась я.

– Его мне жрец дал, он моя защита от колдовства. Дорого заплатить пришлось, но зато меня охраняет не какой-то мешочек с травой, а электронный пси-излучатель! И у меня опять проблема с девушкой, ее мать к шаману обратилась, – на одном дыхании выпалил Жорж. – Но я после того нашего с вами разговора поумнел! Нашел в Москве настоящего колдуна-вуду, тот и изготовил оберег. Работает суперски, отражает любую отрицательную энергию, мгновенно снимает с меня присланную порцию.

Я чуть не расхохоталась.

– И как же медальон сие проделывает?

– Несколько раз в день пищит, – серьезно объяснил дурачок, – сначала тихонечко – ту-ту. Значит, оберег уловил злой сглаз. Потом, спустя секунд двадцать, посильнее – ту-ту-ту. Следовательно, уничтожил его.

– Интересно, – восхитилась я. – Ай да прибор!

– Уже четыре месяца безотказно работает, – похвастался Жорж. – Колдун пообещал, что оберег прослужит полтора-два года. А когда зеленый камень потемнеет, надо приобрести новый талисман. Я так и сделаю. Хотя стоит он офигенно дорого – три тысячи долларов.

– Разве ты не расстался с Аленой? – нахмурилась я. – Вроде понял, что с ней лучше не связываться.

– Ее звали Алиной, – поправил Жорж. – Нет, с ней давно отношения разорваны. Теперь я люблю Люсю. Она лучше всех. А вот ее мать... Баба на меня порчу и напускает. Просто ужас на крыльях ночи, а не тетка! Я теперь в ресторане «Сладкий крокодил» танцую. Приходите, проведу вас бесплатно. И поедите задарма. Повар прекрасно готовит, в особенности дурнятину. Заодно и поговорим. Как насчет встречи сегодня вечером?

Я хотела спросить, что за зверь такой «дурнятина», но вместо этого сказала:

– Давай созвонимся. К сожалению, я всю неделю занята.

– Жорж! – заорало из-за деревянной перегородки сразу несколько голосов. – Где тебя носит? Переодеваться пора!

Он испарился. Я села на деревянную табуретку.

С чернокожим Жоржем я познакомилась благодаря Ивану Николаевичу². Зарецкий, крайне озабоченный моей безопасностью, нанял для меня водителя и сказал, что тот немой от рождения, хотя прекрасно слышит. На самом же деле проблем с вербаликой у парня нико-

² О знакомстве Вилки и Жоржа рассказывается в книге Дарьи Донцовой «Завещание рождественской утки», издательство «Эксмо».

гда не было, просто я наотрез отказалась ездить с кем-либо, мотивируя свое нежелание так: шофер будет болтать, а я не желаю слушать глупости. Вот Иван Николаевич и велел водителю изображать немого.

Не стану подробно живописать, как Жорж управлял автомобилем, но однажды он удрал от меня. Произошло это после того, как я принесла ему из ресторана салат, креативно сервированный в черепае из пресного теста. Увидев угощение, Жорж пулей вылетел из машины и был таков. Потом беглец заявился ко мне домой. Сначала Жорж стал говорить о какой-то девушке, потом упал на колени, зарыдал... Мне пришлось его довольно долго успокаивать, и в конце концов я узнала правду.

Отец парня родом из Ганы. Он не женился на матери Жоржа, но, уехав домой, сына не бросил, признал его, даже платил алименты и каждое лето забирал мальчонку к себе. Жорик зиму, весну и осень проводил в Москве у мамы, а лето у папы, в небольшом африканском поселке. Жорж прекрасно владеет как русским, так и родным языком отца. Кстати, его бабка со стороны папеньки была колдуньей. Кроме того, у мальчика имелась и русская бабушка, гадалка и целительница, которая снимала порчу, сглаз, лечила от всех болезней. Обе старухи забили голову ребенка всякой ерундой, Жорж вырос очень суеверным. Все свои удачи-неудачи он объясняет исключительно влиянием добрых или злых духов, насыпаемых на него разными людьми.

В Москве много красивых цветных девушек, но Жоржу нравятся исключительно белокожие блондинки. Он симпатичен и влюбчив. Во время работы у меня он завел роман с Алиной, сделал ей предложение и получил согласие на брак. Но мать невесты, узнав, что жених наполовину африканец, запретила дочери даже думать о замужестве. Девица проявила строптивость, и тогда потенциальная теща в запале крикнула:

– Скажи своему негру, что я найму колдуна-вуду, твой Жорж и трех дней после этого не проживет.

Злобная баба понятия не имела о том, какое воспитание получил возлюбленный Алины, но ухитрилась плюнуть ядом в самое уязвимое место. Жорж, которому глупая невеста тут же сообщила про угрозу матери, перепугался до трясучки, всю ночь не спал, утром вышел на работу, и в тот же день я притащила ему салат в черепае из теста. Парень решил: вот оно, послание от жреца вуду. И сбежал от меня без оглядки.

Обратиться ко мне через некоторое время за помощью Жоржу посоветовал белый маг, к которому он обратился. Чародей приказал ему взять у меня любую вещь, тогда он сможет убить злые чары, напущенные на него. Я выслушала историю Жоржа и призадумалась: как мне себя вести? Рассмеяться? Объяснить дурачку, что любая магия срабатывает лишь в том случае, если в нее верят? Пообещать, что Жорж непременно встретит девушку, которая от всей души полюбит его и выйдет за него замуж, не обращая внимания ни на цвет кожи избранника, ни на мнение о нем своих родителей? В конце концов я сказала Жоржу, что не имею ни малейшего отношения к колдовству, а салат – это просто накрошенные овощи с мясом. Но, если белому магу нужна моя вещь, могу дать свой шелковый платок. Мы с бывшим шофером расстались друзьями. И вот теперь судьба опять нас столкнула.

Я поерзала на табуретке, ощутила боль, встала, осмотрела сиденье: на нем ничего не было, догадалась засунуть руку в задний карман брюк и вытащила зажигалку – ту самую, обнаруженную вчера под окном. Светло-серые летние слаксы я обожаю, они удобные, модные. Вчера я была в них, когда заглянула к соседям и сунула находку в карман. Сегодня опять надела любимые штаны: и вот держу в руке блестящее «огниво» с надписью «С Новым годом!». От нечего делать я стала рассматривать вещицу. Она точно не из золота, скорее всего просто покрыта каким-то золотистым составом. Подобные зажигалки продаются повсеместно, эту отличает от них гравировка. Снизу из корпуса торчал страз. Я понажимала на него, потом пару раз открыла-закрыла крышку, но пламя не появилось.

И тут передо мной появилась Наташа, которая сразу стала извиняться:

– Арина, простите, что бросила вас одну. «Огородтрестсад» совсем оборзел! Ой, пора уже... Вот вам «ухо», сейчас начинаем. Выглядите вы потрясно! Супер!

Глава 9

Наташа выскользнула из макета дачки.

– Арина сидит на табуретке, – сказал голос в голове.

– Сижу, – машинально ответила я.

– Смотрит в окно.

– Гляжу.

– Улыбается.

– Чиииз, – сказала я и увидела людей, хлынувших в распахнутые воротца.

– Супериссимо!

– Супериссимо! – повторила я.

– Вам не надо произносить то, что не относится к тексту.

– Вам не надо произносить то... – громко начала я и осеклась.

Ага, понятно, не нужно вещать попугаем. А теперь дайте мне совет: как сообразить, где сценарий, а где дурацкие, не имеющие отношения к нему реплики суфлера?

– Арина встает и идет во двор, – прозвучало в ухе.

Я покорно выполнила приказ.

– Ах, какая хорошая погода.

Я продолжала улыбаться, ожидая подсказки.

– Ах, какая хорошая погода! – заорало у меня в ухе.

От неожиданности я подпрыгнула.

– Ах, какая хорошая погода...

– Надену-ка я замечательные аэробные сандалии, выпущенные моей любимой фирмой «Садтрестогород». Натягивает обувь.

Я продекламировала текст.

– Не повторяйте мои указания! – возмутилось «ухо».

– Не повторяйте мои указания! – объявила я.

– Арина, то, что вы услышите сейчас, не повторяйте вслух. Сядьте на скамеечку, элегантным жестом наденьте садово-огородный инвентарь и шагайте по траве.

– Поняла, – кивнула я.

– Со мной разговаривать не надо, – прошипело «ухо».

– Хорошо, – согласилась я. Затем танцующим шагом приблизилась к лавочке, села на нее, сбросила балетки и оторопела – возле скамьи лежали две железные ладьи с ремешками-креплениями. Менее всего они походили на сандалии, скорее уж на раритетные коньки-снегурки, которые в середине двадцатого века дети привязывали к валенкам. Только вместо полозьев сейчас снизу торчали довольно длинные, тесно посаженные металлические штырьки вроде гвоздей.

– И как это примотать к голым ногам? – спросила я вслух.

– Балетки наденьте, – посоветовал невидимый помощник.

– Отлично, – обрадовалась я и принялась за дело.

Застегнуть сандалии оказалось не так просто – толстый кончик ремешка никак не желал пролезать в пряжку. Но меня всегда отличало редкостное упорство, и в конце концов я достигла поставленной цели.

– Шагайте! – приказал голос.

Я выбросила одну ногу вперед, опустила ее на траву, поняла, что гвозди воткнулись в почву, и сделала то же самое со второй конечностью.

– Ах какие удобные, прекрасные, недорогие садово-огородные инструменты, – запело в моей голове. – Корни травы, напоенные кислородом, заколосятся зелеными посевами по всем моим шести соткам на радость коровкам и курочкам. Арина!

– А? – спросила я.

– Идите вперед и говорите.

Я попыталась вытащить правую лапу из почвы, но потерпела неудачу.

– Двигайтесь, – зашипел голос. – Ну же!

– Не получается, – шепотом объяснила я. – Гвозди плотно воткнулись, не могу их выдернуть.

– Блин! – раздалось в ухе.

– Блин! – машинально повторила я.

Собравшаяся толпа радостно захохотала.

– Арина, обожаю ваши книги, – крикнула толстая блондинка в кислотно-оранжевом сарафане. – А чего вы делаете?

– Даю траве кислород. Если хотите походить на меня, купите эти сандалии, – подсказал голос.

Я покорно повторила эту фразу и вновь безрезультатно попыталась выдернуть ноги из почвы.

– Спокойно, сейчас решим проблему, – пообещал мой кукловод. – А ну-ка, позовите корову.

– Кис-кис-кис! – закричала я.

– Мама, мама, – запищал чей-то ребенок, – сейчас кошечка прибежит?

– Арина, – простонал голос, – корову не так кличут.

– А как? У меня нет опыта общения с крупным рогатым скотом, – объяснила я.

– Почмокайте, а потом крикните: «Машка!»

– Машка! – завопила я.

– Чего? – ответили из толпы. – Мишка, ты меня ищешь? Так я тута стою. Здесь клоун бесплатно выступает.

– Пора коровку подоить, – подсказало ухо.

Я открыла рот, да так и осталась, потому что с левой стороны стенда показалась... свинья, сделанная из фанеры. Декорация передвигалась на колесах, толкала ее ползущая на корточках, полностью скрытая за раскрашенным муляжем хрюши Наталья.

– Подою-ка я коровку! – защебетало в ухе.

Мне пришлось выдать текст. Свинья подъехала ко мне и замерла.

– Можете сесть на корточки? – чуть слышно осведомилась Ната.

– Наверное, да, – ответила я.

– Опускайтесь и делайте вид, что тянете за вымя, а я пока сандалики вам развяжу и вытащу их, – пообещала девушка.

Я присела и очутилась на одном уровне с пиарщицей.

– Одерните халатик, чтобы никто моих рук не видел, – попросила та.

– Это же свинья, – шепнула я.

– Простите, глупо получилось, – смутилась Наташа. – Слишком вязкий грунт насыпали, вот вы и застряли. Извините. Стенд оформляли ночью и, как всегда, накосячили, по-свински получилось.

– Я не обзывала вас свиньей. Вы сами прикатали хрюшку, – пояснила я.

– Куда? – не поняла Наташа.

– Сюда, – уточнила я. – Как ее доить?

– Шутите? – ахнула пиарщица. Она присмотрелась к муляжу. – Ой, и правда хавронья! А где буренка? Мы заказывали корову! Блин... И что теперь делать?

– Идиоты! – завопил голос в моей голове. – У вас вместо мозгов вата!

– Идиоты! – продекламировала я.

– Ой, тише! – взмолилась Наташа.

Я захлопнула рот.

– Мама, мама, а что тетя с кабанчиком делать будет? – тоненько закричал из толпы ребенок.

– Убью всех! Выгоню! Ноги оторву, вместо ушей приделаю! – пошел в разнос голос. – Стадо дятлов!

Я сообразила, что этот пассаж никак не для зрителей, решила взять контроль за ситуацией в свои руки и закричала:

– Аэродинамические сандалии запустили в почву воздух, травка стала зеленой, и к нам из леса прибежала дикая свинка, чтобы полакомиться ею.

– Гениально! – восхитился голос. – Медаль на грудь, варенье в рот!

– Лучше замолчи, – распорядилась я, – толку от тебя никакого. Где моя корова?

– Сволочи! – взвизгнул голос. – Не то животное выпилили, дебилы!

– На то они и дебилы, чтобы поступать по-дурацки, – возразила я. – А виноват их начальник, следовало проверить их работу самому. Хочешь, чтобы дело не провалилось? Делай сам!

Наташа захихикала.

– Развязала сандалии? – накинулась я на нее.

– Нет.

– Почему?

– Ремешки дурацкие, не выпиховываются из пряжек.

– Супер! – восхитилась я, особенно словечком «выпиховываются». – Все, увози хавронью.

– А вы как же? – забеспокоилась Наташа.

– Позови сюда какого-нибудь мужика, пусть он меня выдернет и посадит на табуретку, – приказала я. – Но действуйте оперативно, а я пока народ развлекаю.

Наташа, передвигаясь на карачках, утащила свинью.

Я выпрямилась и выдала:

– Ушел от нас Винни-Пух.

Толпа заржала.

– Пятачок, Арина, – подсказал кто-то из зрителей.

– Молодцы! – заорала я в ответ. – Сразу заметили мою ошибку. А почему? Потому что аэровоздушные сандалии не только рыхлят почву, но и благотворно воздействуют на мозг дачника. Вы топаете по земле, кровь быстрее струится по жилам... Смотрите, какая красота у меня на участке.

– Ура! – завопил женский голос. – Вот это подарок!

– Что такое? – не поняла я. – Кто орет?

– Упади! – закричало «ухо». – Лопата не сегодня, а в среду! С ума сошли?

С потолка грянула бравурная музыка, потом раздался свист, сверху свалился какой-то предмет и воткнулся в землю. Я онемела. В миллиметре от моей ноги торчала здоровенная лопата.

– Это другой сценарий! – простонал мой незримый помощник. – Виола, вы живы?

Я кивнула.

– Идиоты все перепутали, – зачастил голос, – лопата должна спланировать до того, как вы появитесь на участке, и вовсе не сегодня. Я с ума сойду сейчас!

– Мне вас не жаль, – огрызнулась я. – Что было бы, попади инвентарь мне в голову?

– Му-му-му, – тоненько запищали слева. Я посмотрела в сторону звука и обомлела: по лужайке медленно двигалась фанерная... коза. На сей раз муляж катила Катя, на шее у нее висели на веревке большие ножницы.

– Му-му-му, – надрывалась пиарщица.

– У тебя коза, – предупредила я, когда Екатерина замерла возле меня.

– Знаю, – прошептала Катя, – сейчас разрежу ремешки. Му-му-му.

– Бе-е, – поправила я. – Буренку так и не нашли?

– Сборище ослов, – забормотала пиарщица, – все перепутали, лопату запустили... Стой смирно, я разрезаю ремни. Ага, можешь потихоньку сходить с сандалий. Я сейчас уползу с козой, сделай одолжение, помоги исправить косяк, возьми лопату, положи ее на плечо и уходи красиво.

– Нет, глупо получится, – ожил в «ухе» голос. – Тогда придется сказать пару слов об интерактивном инвентаре. Виола, умоляю, спасите акцию! Если Филипп узнает, что она провалилась, всех нас выгонит. Наша судьба в ваших руках.

Катерина, безостановочно мыча, уволокла козу. Я ухватила лопату за ручку и потянула ее вверх. И тут из-за декорации высунулась Наташа, начала подмигивать мне, а потом закричала во всю мощь легких:

– Прямо из Африки по приглашению «Садтрестогорода» прибыл вождь племени, прима-балерун американской и российской оперы, лауреат международных конкурсов Жорж де ля Фуэте.

Я растерялась. Так, новая нестыковка. Ната же понеслась разыскивать мужчину, который должен выдернуть меня вместе с дурацкими сандалиями из почвы. А Кате кто-то (предполагаю, что голос из моего «уха») велел отрезать ремешки на них. Она выполнила указание, а Наталья в этот момент искала крепкого парня и не видела ни падения с потолка лопаты, ни торжественного выезда козы. Вот почему она объявила выход моего бывшего шофера.

Раздалась музыка, из-за спины Наты выскочил Жорж в облегающем сюртуке из парчи и пошел вприсядку. «Валенки, валенки, не подшиты стареньки», – запел пронзительный дискант.

– Мм-м-мм... – простонало ухо. – О боже!

Я вцепилась в лопату и начала дергать ее в разные стороны, пытаюсь выдрать из вязкой почвы. В какой-то момент я нажала на торчащий из ручки гвоздик, послышался тихий щелчок, верхняя часть деревяшки отвалилась, и из нее забил фонтан воды. Жорж, которого окатило, взвизгнул, я присела и закрыла голову руками. Музыка оборвалась.

– Интерактивная саморазборно-сборная, автоматически поливальная лопата – ваш лучший друг, – торжественно объявил густой бас. – Только сегодня и только у нас скидка на всю продукцию «Огородтрестсад» ноль два процента. Купившему лопату в подарок одна аэровоздушная сандалия. Количество подарков ограничено. Спешите в сектор «Д». «Огородтрестсад» ваш лучший выбор на все времена. Ура!

Сверху посыпался дождь из мелко нарезанной разноцветной фольги и повалились воздушные шарики, украшенные яркой, бросающейся в глаза надписью «Огородтрестсад». Я, воспользовавшись тем, что зрители всех возрастов с радостным визгом бросились ловить падающие шары, позорно удрала, забыв и про лопату, и про застрявшие в газоне сандалии.

Первым, на кого я налетела в закрытой от людей части стенда, оказался Савелий.

– Виола! Простите! Вокруг одни идиоты!

– Так это вы сидели в моем ухе? – с запозданием догадалась я. – Да уж, получилось необычно. И мне послышалось или вы в самом деле, объявляя о продаже лопаты и подарках, произнесли вместо названия вашей фирмы «Огородтрестсад»?

Савелий схватился за сердце.

– Не может быть! Скажите, что зло пошутили, желая наказать меня за бардак, в котором вам пришлось участвовать!

Что-то легкое коснулось моей макушки. Я задрала голову, увидела воздушный шарик, весьма кстати залетевший в служебное помещение, схватила его и отдала Савелию со словами:

– Допускаю, что со слухом у меня проблемы, но со зрением полный порядок.

– «Огородтрестсад»! – завизжал Савелий. – Кто заказывал это дерьмо? Кто готовил текст диктору? Урою! Убью! Да я ему... да я...

– Савелий! – заорали слева.

– Что еще случилось? – опешил тот.

– Ой, ой! Балерун умер! Лежит, не двигается! Не встает!

Мы с Савелием, не сговариваясь, бросились к имитации садового участка и увидели Жоржа, распростертого на траве, с закрытыми глазами. Около моего бывшего шофера стояла на коленях Катя, чуть поодаль тряслась в ознобе Наташа.

– Что с ним? – спросил Савелий.

– Скончался, – пробормотала Екатерина. – Молчит, не отвечает.

– Если человек не желает разговаривать, это еще не означает, что он умер, – пробормотала я, опускаясь на колени возле Жоржа.

– Я два года работала медсестрой в больнице, – сказала Катя, – навидалась покойников.

– Лучше вызовите «Скорую», – приказала я. – Он дышит, но давайте расстегнем дурацкий узкий сюртук. Вероятно, парень просто упал в обморок, как дама из прошлого века, закованная в корсет.

Катя расстегнула молнию, я увидела на груди Жоржа медальон с камнем, который больше не светился зеленым огоньком.

– Что за дрянь у него на шее? – удивилась Екатерина.

– Амулет от колдуна, – пояснила я, – отгоняет злых духов. Надеюсь, с Жоржем ничего страшного не произошло, возможно, он потерял сознание от духоты. Сейчас врачи приведут его в чувство.

Глава 10

– Прекрасное кафе, – завел светскую беседу Федор, когда я села за столик, – ни разу сюда раньше не заглядывал. Очень уютно. Что будете есть? Девушка, примите заказ...

– Чай с вареньем из апельсина и два пирожка с капустой, – сказала я официантке.

– А мне американо и кулебяку с грибами, – распорядился сыщик. И снова повернулся ко мне: – Прекрасно выглядите, вам к лицу эта прическа.

– Давайте обойдемся без комплиментов и сразу займемся делом, – предложила я.

– Хорошая идея, – одобрил Федор, – начинайте. Что вы хотели мне рассказать?

– Зачем вы ночью залезли в мой дом? – безо всяких предисловий поинтересовалась я.

– Насколько помню, я посетил ваш коттедж днем, – парировал мой собеседник.

– И представились сотрудником полиции. Единожды солгавший, кто тебе поверит? – возразила я.

Федор пододвинул к себе корзиночку с хлебом.

– Вы бы не стали разговаривать с частным детективом.

– Никогда ничего не следует решать за другого человека. Я нормально отношусь к людям вашей профессии, а вранье терпеть не могу, – заявила я.

– Поэтому сами никогда не лжете, всегда говорите чистую правду? – улыбнулся Леонов. – Сказали мне, что желаете поделиться сведениями о Владыкиной, а сами выдвинули глупое обвинение о моем ночном визите в ваш дом.

– Метод переноса ответственности за свои действия на того, кто обвиняет вас в неблагоприятном поступке, часто срабатывает. Но сейчас он дал осечку, – поморщилась я. – Начнем сначала. Зачем вы влезли в особняк?

– С чего вы взяли, что это был я? – продолжал гнуть свое Леонов. – Вероятно, к вам проник бомж, решивший чем-то поживиться.

– Вы следили за двумя стоящими на отшибе домами. Иначе как бы узнали о вызове «Скорой» к Ирине? – задала я следующий вопрос. – И зачем грабителю идти через весь первый этаж к кладовке, где свалены старые вещи Антонины Тарасовны? В гостиной есть много ценного, например, столовое серебро, оно лежит на виду в незапертом буфете со стеклянными дверцами. На камине стоят два старинных подсвечника, на столике между креслами старинные, инкрустированные перламутром шахматы. Хотите расскажу, как орудует обычный мелкий воришка? Он вскрывает дверь, хватается то, что находится в шаговой доступности: норковую шапку с вешалки, дубленку, мобильный телефон, забытый у зеркала, сумочку – в общем, как повезет, и удирает. По квартире или дому он не разгуливает, боится попасться. Некоторые преступники орудуют по ночам, когда хозяева мирно спят, они тихо вскрывают замок на входе и шакалят в прихожей. А наш незваный гость пересек весь дом, значит, был уверен, что в нем только две тетki и они будут дрыхнуть. Но ночной визитер не учел, что Светлане захочется в туалет. Прислуга пошлепала по коридору, он испугался... И как поступил? Обычно в такой ситуации преступник хватается какой-нибудь предмет и опускает его на голову нехстати появившегося человека. В маленьком чуланчике, где шуровал негодяй, как раз стояла швабра. Воришка должен был сцапать ее и стукнуть Свету. Но он действует иначе – затаивается в чулане. А когда домработница, решившая, что услышанный ею шорох производят мыши, стучит в дверь, а потом открывает ее, вор живо натягивает на голову шубейку и пугает дурочку. Та садится на пол, зажимуривается, мерзавец убегает, но... не забывает повесить манто на крючок. Оно не новое, но ведь на бутылку дешевого пойла бомж вполне мог его обменять.

– И правда непонятно, – согласился Федор.

– Теперь улика, – объявила я, выкладывая на стол таблетницу. – Крохотный лоскутик, оставленный грабителем. Он зацепился одеждой за подоконник, из которого торчали занозы,

и выдрал клочок. Вы, насколько я помню, вчера щеголяли в трикотажном пуловере песочного цвета с темно-синими полосками. Обратите внимание на цвет лоскута, он бежевый, и там видны темные нити.

– Интересно, – кивнул Леонов. Затем положил на стол ключи. – Мой серебристый «БМВ» стоит прямо у входа, мне повезло, я нашел удобное место для парковки. Откройте автомобиль, на заднем сиденье валяется свитер, в котором я был вчера. Можете принести его сюда или внимательно осмотреть на месте. Лоскут не так уж мал, примерно с ноготь указательного пальца, если ваши рассуждения верны, на свитере обнаружится дырка, а если нет, то я ни при чем. Советую разглядывать вещь на свет, так виднее.

– Сами отправляйтесь за пуловером, – фыркнула я.

Леонов улыбнулся.

– Разве обвиняемому положено самому изымать улику против себя? Он же может ее уничтожить. Например, возвращаясь в ресторан, уронить в открытый люк канализации. И вещдок ку-ку!

Я встала.

– Ладно. Если вы думали, что, увидев ключи, я воскликну: «Ах, ах, раз вы предлагаете мне изучить пуловер, значит, он цел, спасибо, я никуда не пойду!» – то ошибаетесь.

– Вперед, – усмехнулся Леонов. – Разглядывайте вещдок внимательно. Кстати, в бардачке есть лупа с подсветкой.

* * *

Федор встретил меня радостной фразой:

– Съел свою кулебяку и заодно ваши пирожки с капустой, очень уж тут выпечка вкусная. Но я заказал вам новую порцию. Как успехи?

– Свитер цел, – мрачно признала я. – Но у меня нет уверенности, что я видела именно его. Некоторые мужчины покупают сразу несколько одинаковых шмоток.

– Неужели вы не заметили на рукаве пару пятен от кофе? – удивился сыщик. – Капли туда попали в тот момент, когда вы выплеснули напиток. Чашка стояла на блюде, куда вылилось немного капучино, ее донышко было мокрым, и когда вы размахнулись, несколько капель упало на...

– Все увидела, – остановила я детектива. – Но как доказать, что это следы напитка, поданного Светой? Возможно, вас ранее испачкала нерадивая официантка в каком-нибудь ресторане.

Федор расхохотался.

– Вы молодец, вцепились в добычу и не отступаете. Хотите сделать анализ? Можете забрать пуловер. Кстати, он валяется на заднем сиденье, потому что я утром нацепил его, а когда сел в машину, заметил на нем пятна. Пришлось стаскивать свитер, относить его домой времени не было. Честное слово, это не я ходил ночью по вашему дому.

– Тогда кто? – спросила я.

Леонов стал серьезным.

– Пока нет ответа. Но вы правы, бомж так действовать не стал бы. В доме шарил не мелкий воришка.

– Интересно, кто и что искал? – протянула я.

– И почему окно? – подхватил Федор. – Ведь легче проникнуть в дверь. Электронные отмычки нынче упали в цене ниже плинтуса, а они могут открыть любой замок.

– Щеколда, – пояснила я. – В доме Антонины Тарасовны три входа – парадный, черный и дверь на террасу, все они имеют старинные дополнительные запоры.

К нашему столику подошла официантка и поставила посередине тарелку с пирожками. Леонов моментально схватил один, хмыкнув:

– Научно-технический прогресс разбивается о примитивную железку, которой до сих пор пользуются бабульки. Да уж, людям не стоит пренебрегать опытом старушек. Ладно, давайте вместе подумаем, что могло заинтересовать таинственную личность в коттедже. Вы заметили где-нибудь беспорядок?

– Нет, – после короткого раздумья ответила я. – Только открытая рама и царапины на подоконнике, которые, думаю, возникли от предмета, просунутого ночным посетителем под раму, и шуба на крючке.

– Шуба там раньше не висела? – спросил детектив.

Я отхлебнула остывший чай.

– Я пошла в тот коридорчик впервые. Он, если можно так выразиться, технический, в нем расположены комната Светланы, гостевой туалет и кладовка с ненужными владелице дома вещами. Еще там находится гостиная-столовая, объединенная с кухней, и выход на просторную террасу. Мои кабинет, спальня, ванная на втором этаже. Да, там еще и библиотека. Она довольно обширна, но содержит исключительно научную литературу, в основном по медицине и химии, что странно.

– Почему странно? – удивился Федор.

Я решила выложить сведения, полученные от Светы.

– Дом ранее принадлежал Петру Германовичу Владыкину. Вернее, он построил два особняка. Владыкин был директором НИИ, который работал на оборону, занимался ракетостроением. Но в его библиотеке нет ни одного тома, посвященного физике-математике, зато полно специальных изданий, связанных с анатомией, физиологией, химией, причем основательно зачитанных.

– Книги по специальности он мог держать на службе, – резонно заметил Федор. – Между прочим, с чего вдруг вы решили, что Петр Германович был конструктором ракет?

– На пустыре неподалеку от коттеджей остались развалины учреждения, которое местное население называло Домом тишины, – пояснила я.

– И что? – удивился Леонов. – Как это связано со стратегическим оружием? На мой взгляд, контору, которая создает «Тополь-М», надо именовать Домом грохота, ведь все, что взлетает в небо, издает оглушительный шум.

– Светлана сказала, что Владыкин работал на военно-промышленный комплекс, – призналась я.

– А-а-а... – усмехнувшись, протянул собеседник. – Хорошо иметь надежные источники информации, им можно безоговорочно доверять. Так вот, Петр Германович не имел ни малейшего отношения к летающим объектам, он пытался создать особое лекарство.

– Таблетки? – удивилась я.

– Сейчас объясню, – сказал Леонов.

Глава 11

– Вы что-нибудь знаете о колдунах? – поинтересовался Федор.

– В наше время нет телеканала, на котором бы не рассказывали о гадалках, шаманах и прочих людях, якобы способных предсказывать будущее и превращать трупы в зомби, – хмыкнула я. – Интернет пестрит объявлениями белых и черных магов, снимающих и напускающих порчу...

– Не о них речь, – прервал меня Леонов. – Давайте забудем о мошенниках и о тех, кто, честно заблуждаясь, лечит народ от всего подряд с помощью керосина и уринотерапии. Надеюсь, вы не пользуетесь подобными методами для поправки здоровья?

– Я что, похожа на кретинку? – взвилась я. – Как можно считать лекарством отходы жизнедеятельности организма?

– Человек – это прекрасный биологический фильтр, который перерабатывает продукты в отходы, – ухмыльнулся Леонов.

– Похоже, вы любите людей, – заметила я.

– Просто у меня отсутствуют иллюзии на счет человечества, – парировал сыщик. – Вернемся к Владыкину. Помните, сколько лет было руководителям СССР? Средний возраст членов политбюро можете назвать?

Я взяла последний пирожок.

– Точно нет, но думаю, им всем было за семьдесят. К власти в коммунистические времена приходили поздно, а забравшись на ее вершину, сидели там до смерти. Сместили одного Никиту Хрущева, остальные умерли на рабочем посту.

Федор не стал спорить.

– Верно, руководители советского государства были весьма пожилыми. И что получалось, когда, долго взбираясь по карьерной лестнице, человек достигал ее вершины? Он не мог от всей души порадоваться ни деньгам, ни открывшимся возможностям, потому что его уже одолевали болезни. Однако главной бедой была не физическая, а умственная немощь. Кое-кто из крупных политических и хозяйственных деятелей страны не мог самостоятельно подняться на трибуну, чтобы прочесть доклад. Но при нем дежурил доктор со шприцем. После укола еле живой старик с трясущимися руками и ногами бодрячком бежал к микрофону, а сидевшие в зале чиновники среднего звена перешептывались: «Наш-то еще огурец, вон как скачет! Зря распускают сплетни, что он одной ногой в могиле, еще молодым фору даст». В СССР существовала строго засекреченная лаборатория, которая разрабатывала индивидуальные инъекции и таблетки для вождей. Конечно, лекарства не излечивали физическую немощь, служили как бы костылями, что уже неплохо. А как быть с подступающим маразмом? На него медикаменты не действовали, и это являлось огромной проблемой. Один крупный начальник, сидя на совещаниях с сосредоточенным видом, черкал что-то в блокноте, и присутствующие тряслись от страха, полагая, что он конспектирует их речи, дабы потом разгромить докладчиков. Босс же никогда не выступал во время собраний, уходил молча, а за ним, прихватив тот самый блокнот, плелся его помощник. Через день подчиненным объявляли мнение начальника об их работе, карали нерадивых. И только в начале 90-х стало известно, что этот начальник страдал старческим слабоумием, на совещаниях сидел, не понимая, где находится, а в знаменитых блокнотах не записи делал, а рисовал похабные картинки, поэтому основной задачей верного секретаря было утащить рисуночки, чтобы их не увидели посторонние. Другой бонза прочитал на партийном съезде свой доклад дважды – ему случайно дали как первый экземпляр, так и копию. Он не понял, что талдычит одно и то же! Народ в зале сладко спал, но кое-кто сообразил: дело неладно, люди начали шушукаться. После окончания заседания всем делегатам строго велели молчать о случившемся, и почти все хранили тайну, хотя, конечно же, нашлись и болтуны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.